VI 289/260

2007050238

И 289/260

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
66856-44

СВОБОДА СОВѢСТИ
И
ОТНОШЕНІЯ ГОСУДАРСТВА КЪ ЦЕРКВИ.

Ѳ. Г. ТЕРНЕРА.

> Единственный мечъ, которымъ церковь можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово.
>
> *А. С. Хомяковъ.*

Необходимость уваженія къ свободѣ религіозныхъ убѣжденій — считается обыкновенно положеніемъ не требующимъ доказательствъ; развивать эту мысль, приводить доводы въ пользу вѣротерпимости, представляется какъ бы совершенно излишнимъ повтореніемъ общихъ мѣстъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій. Какъ скоро, однако, вопросъ переходитъ съ чисто отвлеченной на практическую почву, какъ скоро рѣчь заходитъ о формальномъ признаніи этого начала и объ исключеніи изъ уголовнаго свода, наказаній, являющихся несовмѣстимыми съ признаніемъ этого начала, такъ положеніе вопроса совершенно измѣняется и рѣшеніе его склоняется къ невозможности или несвоевременности осуществленія въ нашей жизни логически общепринятаго начала.

Обращаясь къ коренному источнику всякаго христіанскаго ученія, къ подлиннымъ словамъ Спасителя, въ томъ видѣ, какъ они переданы намъ евангеліемъ, мы находимъ въ нихъ столь полное, столь безусловное разрѣшеніе вопроса о вѣротерпимости, въ смыслѣ

порицанія всякаго рода вторженія внѣшней карательной власти въ духовную сферу и въ смыслѣ невозможности сліянія гражданской и духовной властей въ однѣхъ рукахъ, что казалось бы даже немыслимо возбуждать какое либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи. „Царство Мое не отъ міра сего.... отдайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу... Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?...“ Цѣлый рядъ этихъ и другихъ изреченій казалось бы окончательно разрѣшаютъ весь вопросъ. „Евангеліе“, говоритъ протоіерей А. Ключаревъ [1]), „которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе....“

Съ другой, чисто логической точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что внутреннія, духовныя, религіозныя убѣжденія не могутъ быть вызваны или измѣнены въ людяхъ мѣрами внѣшняго насилія и что всякое внѣшнее исполненіе религіозныхъ обрядовъ, противныхъ внутреннимъ, духовнымъ убѣжденіямъ человѣка, является лицемѣрною ложью и поэтому нравственнымъ зломъ.

Намъ говорятъ, однако, что лице, уклоняющееся отъ истиннаго ученія, является не только въ качествѣ индивидуальнаго представителя ошибочнаго мнѣнія, оно является кромѣ того въ качествѣ заражающаго элемента въ обществѣ, могущаго соблазнить другихъ слабыхъ членовъ общества; поэтому, допуская даже, что ошибающагося, еретика, сердце котораго огрубѣло (или, другими словами, убѣжденія котораго твердо укоренились) — невозможно обратить на путь истины никакими внѣшними понудительными и карательными мѣрами, необходимо, въ видахъ общаго интереса, сдѣлать такое лице безвреднымъ и, если нужно, даже уничтожить его—прибѣгая для этой цѣли къ внѣшнимъ мѣрамъ преслѣдованія. Нельзя не сознаться, что этотъ методъ аргументаціи, принятый со всѣми своими послѣдствіями католическою церковію, — представляется логически послѣдовательнымъ. Недостатки латинскаго ученія никакъ не заключаются въ недостаткѣ послѣдовательной аргументаціи, а скорѣе въ одностороннемъ преобладаніи логики. Но нужно ли доказывать, что подобный образъ воззрѣнія при своей

---

[1]) Слово, сказанное 22-го февраля 1876 года въ Моск. Успенск. соборѣ.

внѣшней, формальной логичности не согласенъ ни съ духомъ евангелія, ни съ внутренними убѣжденіями человѣческаго разумѣнія?

Книжники и фарисеи не только пребывали лично въ заблужденіи, но и заражали вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ нравственнымъ невѣжествомъ народъ, противудѣйствуя распространенію въ средѣ его живительнаго ученія христіанской истины; между тѣмъ въ евангеліи нигдѣ не видно, чтобы Іисусъ Христосъ принималъ или разрѣшалъ другимъ принимать мѣры понужденія противъ этихъ закоренѣлыхъ представителей іудейскаго формализма, хотя бы только въ видахъ уничтоженія ихъ вреднаго противудѣйствія распространенію христіанскаго ученія. Очевидно, что начало, допускающее внѣшнее насильственное уничтоженіе духовныхъ препятствій, возникающихъ на пути человѣческаго прогресса, привело бы неизбѣжно къ уничтоженію главнаго условія этого прогресса, а именно свободы и самодѣятельности человѣческаго духа. Слѣдуетъ ли тушить огонь на землѣ и гасить живительный лучь свѣта — для предупрежденія могущихъ быть мѣстныхъ пожаровъ? Если люди созданы Богомъ не въ видѣ безъотвѣтственныхъ нравственныхъ механизмовъ, а въ видѣ самоопредѣляющихся существъ — то возможно предположить, что нравственное совершенство недостижимо внѣ области свободнаго самоопредѣленія.

Необходимо тутъ же указать, для устраненія недоразумѣній, на частое смѣшеніе понятія свободы совѣсти съ понятіемъ необязательности, для членовъ церкви, ученія, преподаваемаго ею.

Очевидно невозможно ставить объективную непреложность основныхъ догматическихъ истинъ, вложенныхъ въ церковь, въ зависимость отъ признанія ихъ со стороны ума и совѣсти отдѣльныхъ личностей. Эти истины, какъ результатъ откровенія, [1]) не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ дѣла умственной аргументаціи и отъ побужденій совѣсти отдѣльныхъ людей; допускать послѣднее значило бы не только уничтожать церковь, но уничтожать христіанство, низводить христіанское ученіе на степень философіи, лишать

---

[1]) Авторъ очевидно относитъ все это разсужденіе къ религіи *откровенной*, не касаясь иныхъ вѣроисповѣданій и вѣроученій, изъ которыхъ многія также служатъ основаніемъ для церковныхъ и имъ подобныхъ общественныхъ союзовъ. Само собою разумѣется, что *безусловная* личная свобода вѣроученія, предоставленная каждому члену такого союза, исключала бы самое существо (и юридическое и нравственное) такого союза; но большая или меньшая *степень* личной свободы въ пониманіи и толкованіи догматовъ совмѣстима со многими изъ этихъ вѣроисповѣданій и союзовъ (какъ мы это и видимъ во многихъ протестантскихъ церквахъ). *Ред.*

это ученіе характера вѣчной, непреложной, божественной истины. Вся дѣятельность вѣрующаго ума, въ этой области, можетъ быть направлена только къ разъясненію этихъ истинъ и къ согласованію съ ними человѣческихъ воззрѣній.

Но если даже истина вѣры непреложна съ объективной точки зрѣнія, то съ субъективной точки каждаго отдѣльнаго человѣка свобода совѣсти и убѣжденія вступаетъ и тутъ въ свои права. Для того чтобы вѣровать, человѣкъ долженъ ознакомиться прежде всего съ предметомъ вѣры, т. е. постичь умомъ и сердцемъ какъ содержаніе ученія вѣры, такъ и превосходство его надъ всѣми другими ученіями. Затѣмъ, если говорятъ о подчиненіи ума и сердца человѣка ученію церкви, какъ объ отрицаніи личной свободы убѣжденій, то и это едва-ли справедливо. Если человѣкъ по убѣжденію и совѣсти не согласенъ съ общимъ ученіемъ церкви, то онъ не можетъ въ него вѣровать и выдѣлится изъ церкви; если же при личномъ разномысліи относительно какихъ либо отдѣльныхъ пунктовъ онъ согласится подчинить результаты собственной аргументаціи авторитету церкви изъ любви-ли и уваженія къ церкви или подъ вліяніемъ соображенія, что то, чему учило христіанство всѣхъ временъ, вѣроятно правильнѣе и ближе къ истинѣ, чѣмъ то, что одному человѣку лично представляется болѣе вѣроятною истиною въ данномъ вопросѣ, то такое вольное подчиненіе не только не будетъ жертвою совѣсти, но напротивъ того именно дѣломъ свободы совѣсти.

И такъ если христіанская истина объективно и не обусловливается совѣстію и убѣжденіемъ каждаго отдѣльнаго человѣка, то субъективно актъ принятія ея на вѣру каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ всегда будетъ обусловленъ свободою убѣжденія и совѣсти, при вліяніи на нихъ божественной благодати. „Никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не дано будетъ ему отъ Отца Моего“.

Изъ всего предшествующаго оказывается несомнѣнно, что начало внѣшняго насилія осуждается какъ евангеліемъ, такъ и человѣческой логикой; тѣмъ не менѣе, это начало постоянно проявлялось въ жизни христіанскихъ обществъ, и не только продолжаетъ проявляться до настоящаго времени, но возведено даже значительною частію христіанскаго міра, т. е. римскимъ католицизмомъ, на степень догматической истины!

Прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію внутреннихъ, психическихъ причинъ, обусловливающихъ столь анормальное явленіе, постараемся указать въ краткомъ очеркѣ: какимъ образомъ на-

чало вмѣшательства гражданской власти въ дѣла церковныя и соединеннаго съ нимъ насилія въ духовныхъ вопросахъ проникло въ христіанскую жизнь и постепенно укоренялось и развивалось въ ней.

I.

Государственное вмѣшательство и внѣшнее понужденіе начинаютъ вторгаться въ христіанское общество вскорѣ послѣ признанія христіанской религіи римскимъ государствомъ.

Въ началѣ это признаніе произошло на основаніи полной вѣротерпимости. Въ 312 году императоръ Константинъ вмѣстѣ съ соправителемъ Ликиніемъ издали „едиктъ", въ которомъ постановлялось, „что каждый свободенъ исповѣдовать начала той религіи, которую онъ признаетъ за истинную". — Высказываясь открыто въ пользу христіанства и называя въ публичныхъ документахъ язычество—суевѣріемъ, императоръ Константинъ никогда однако не прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ для обращенія язычниковъ въ христіанство, хотя и принималъ нѣкоторыя мѣры стѣсненія относительно обрядовъ языческаго культа; такъ напр. онъ воспретилъ публичныя жертвоприношенія языческимъ богамъ. Но, соблюдая вѣротерпимость относительно отдѣльныхъ религій, онъ прямо отступаетъ уже отъ этого начала по отношенію къ христіанскимъ сектаторамъ. Увлеченный своею ревностію къ сохраненію единенія въ церкви, онъ рѣшился на принятіе разныхъ карательныхъ мѣръ, противъ лицъ нарушавшихъ это единеніе, т. е. противъ послѣдователей ереси Арія. [1]) При преемникѣ его Констанціи начало вѣротерпимости впадаетъ въ совершенное забвеніе. Точно также, какъ прежде христіанство подвергалось гоненіямъ, теперь воздвигаются гоненія на язычество. Констанцій предписалъ закрытіе всѣхъ языческихъ храмовъ, съ запрещеніемъ кому либо входить въ нихъ; виновные въ нарушеніи закона, воспрещавшаго жертвоприношенія, должны были подвергаться смертной казни и конфискаціи имущества. Далѣе, подъ угрозой смертной казни,

---

[1]) Какъ велика была опасность, которая угрожала въ будущемъ церкви отъ подобнаго вмѣшательства государства въ духовныя дѣла и догматическіе вопросы, оказалось нѣсколько времени спустя, когда то-же императорское правительство высказалось въ пользу Арія и обратило преслѣдованіе на истинную церковь.

было воспрещено почитаніе языческихъ изображеній. Кромѣ того, множество языческихъ храмовъ было разрушено, накопленныя въ нихъ сокровища были переданы частію въ христіанскія церкви, а частію розданы приближеннымъ и придворнымъ императора. Всѣ эти мѣры насилія встрѣчали полное одобреніе въ значительной части тогдашняго христіанскаго общества. Пока принадлежность къ христіанской вѣрѣ, не предоставляя никакихъ вещественныхъ преимуществъ, вызывала только гоненія и обѣщала одни страданія, присоединеніе къ христіанству могло происходить только на основаніи внутренняго, духовнаго убѣжденія людей; но съ тѣхъ поръ, какъ христіанство сдѣлалось господствующею религіей въ имперіи и когда переходъ въ христіанство сдѣлался путемъ къ почестямъ и достиженію богатства, [1]) съ тѣхъ поръ къ христіанству многія стали присоединяться изъ-за менѣе чистыхъ побужденій и тѣмъ самымъ какъ бы переносить заразу языческихъ понятій въ среду христіанства. Понятіе о тѣсной связи государства съ національною религіей и съ національными богами и о необходимости огражденія государственной религіи внѣшними карательными мѣрами было господствующимъ понятіемъ во всѣхъ языческихъ государствахъ. Можно ли послѣ того удивляться, что когда настало время перехода язычниковъ въ христіанство массами, вмѣстѣ съ ними должно было проникнуть въ христіанскую среду сѣмя этого языческаго понятія (о правѣ гоненія на иновѣрныхъ).

Въ средѣ христіанства возвышались однако отдѣльные голоса, которые смѣло и открыто порицали подобный образъ дѣйствія правительства, объясняя, что стремленіе содѣйствовать развитію христіанства внѣшними мѣрами приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы христіанству, и отстаивал тѣ чистыя начала свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданій, которыя во времена прежнихъ языческихъ императоровъ были высказаны представителями христіанства. Такъ напр. Иларій обращался къ императору Констанцію съ слѣдующими словами: „златомъ государства обременяете вы Святыню Божію и то, что извлечено изъ языческихъ храмовъ или добыто посредствомъ конфискаціи и собрано путемъ

---

[1]) Августинъ замѣчаетъ по поводу 26 ст. VI гл. Ев. отъ Іоанна: «сколько такихъ, которые ищутъ Іисуса только для того, чтобы получить отъ Него мірскія блага. У одного процесъ и онъ ищетъ заступничества священника, другой притѣсняется сильнымъ и ищетъ защиты у церкви.... Какъ рѣдко ищутъ Іисуса изъ-за самаго Іисуса.»

наказаній, вы навязываете Богу“ (c. Constant. imperator. lib. c. 10). Тотъ-же Иларій писалъ: „миръ въ церкви нельзя возстановить иначе, какъ дарованіемъ всѣмъ возможности жить по своему убѣжденію безъ всякаго рабскаго понужденія. Еслибы понужденіе было производимо даже въ пользу истинной вѣры, то епископы возразили бы вамъ: Богъ Владыко міра, Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи; Онъ не требуетъ вынужденнаго исповѣданія; Онъ хочетъ не лицемѣрія, а истиннаго почитанія.“ [1]) Св. Аѳанасій по поводу гоненій, воздвигаемыхъ противъ послѣдователей истиннаго христіанскаго ученія, пишетъ: „Это служитъ доказательствомъ, что они сами не увѣрены въ своей вѣрѣ,— когда они употребляютъ насиліе и понуждаютъ людей противъ ихъ воли. Такимъ образомъ сатана, потому что въ немъ нѣтъ истины, вторгается съ сѣкирой и мечемъ туда, куда его впускаютъ. Спаситель же кротокъ; Онъ спрашиваетъ въ своемъ ученіи: „кто хочетъ послѣдовать за Мною, кто хочетъ быть Моимъ ученикомъ?“, но Онъ не понуждаетъ никого изъ тѣхъ, къ которымъ Онъ обращается. Онъ ударяетъ только во дверь, глаголя душѣ: „отверзи ми, ближняя моя,“ (Пѣснь Пѣсней 5, 2) и если Ему отворятъ, то Онъ входитъ. Гдѣ же Его не впускаютъ, отъ тѣхъ Онъ отвращается, ибо истина превозглашается не мечомъ, не копьемъ, не силою войска, но путемъ убѣжденія и назиданія, а можетъ ли быть рѣчь объ убѣжденіи тамъ, гдѣ дѣйствуетъ страхъ предъ Кесаремъ? Можетъ ли быть рѣчь о назиданіи тамъ, гдѣ возражающій долженъ ожидать изгнанія и смерти?... Истинное благочестіе не понуждаетъ, а убѣждаетъ, ибо Господь никого не понуждалъ, но предоставлялъ выборъ свободной волѣ каждаго, говоря ко всѣмъ: „кто хочетъ послѣдовать за Мною,“ — и вопрошая Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти?“ (Hist. Arian. § 3 и § 67). [2]) Хотя вышеприведенныя слова и были написаны по поводу притѣсненій, которымъ подвергались въ то время христіане, отвергавшіе ученіе Арія, и такимъ образомъ имѣли нѣкоторымъ образомъ характеръ самозащиты со стороны Аѳанасія и Иларія, но все же открытое провозглашеніе этого начала истины не могло не имѣть своего значенія.

Затѣмъ когда, послѣ смерти Іуліана Отступника, христіанская

---

[1]) Allg. Geschichte der christlichen Religion und Kirche, von Dr. A. Neander. II Band I Abth.

[2]) D. A. Neander, II Band, I Abth.

церковь вновь восторжествовала, предостереженіе противъ употребленія насилія было высказываемо и со стороны членовъ торжествующей церкви. Такъ Григорій Назіанскій совѣтовалъ христіанамъ не пользоваться властію, которая перешла теперь въ ихъ руки для воздаянія язычникамъ равнаго равнымъ, т. е. для преслѣдованія ихъ подобно тому, какъ они прежде преслѣдовали христіанъ. „Покажемъ, говорилъ онъ, чему ихъ учатъ демоны и чему научаетъ насъ Христосъ, который страданіями пріобрѣлъ славу и восторжествовалъ не менѣе тѣмъ, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать. Воздадимъ Богу одно благодареніе, распространимъ таинство (т. е. христіанскую вѣру) благостію и на сей конецъ воспользуемся обстоятельствами. Побѣдимъ мучителей правдолюбіемъ.“ (Слово 2 прот. Юліана св. Григорія. Т. 1 русс. перев.) [1])

При императорахъ Іовіанѣ и Валентиніанѣ продолжала господствовать полная вѣротерпимость. Но послѣ нихъ опять начинаются преслѣдованія язычниковъ. Въ началѣ царствованія императора Ѳеодосія, Св. Іоаннъ Златоустъ написалъ въ Антіохіи прекрасное сочиненіе о мученикѣ Вавилѣ; онъ указывалъ на божественную силу, съ которою христіанство проникло въ жизнь людей и побѣдило язычество, не смотря на то, что оно отвергаетъ всякое внѣшнее оружіе въ этой борьбѣ, и предсказывалъ совершенное распаденіе язычества вслѣдствіе его собственной безсодержательности и внутренней несостоятельности. Въ этомъ сочиненіи онъ прямо высказываетъ, что „христіанину не дозволено уничтожать заблужденій насиліемъ или понужденіемъ, они могутъ содѣйствовать спасенію людей только путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія и оказанія услугъ любви.“ [2])

Не смотря на эти краснорѣчивыя слова, при Ѳеодосіи возобновились преслѣдованія, разрушенія языческихъ храмовъ и т. п. Точно также какъ въ восточной, и въ западной части римской имперіи происходили постоянныя колебанія между вѣротерпимостію и системою преслѣдованія язычниковъ и еретиковъ; съ теченіемъ времени послѣдняя система получала все большее преобладаніе и все болѣе укоренялась въ обѣихъ частяхъ имперіи.

---

[1]) См. статью о свободѣ совѣсти въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1864 годъ.

[2]) Neander, Allg. Gesch. Въ бесѣд. на Ев. Матѳ. 47 св. Златоустъ допускаетъ однако возможность лишенія еретиковъ свободы: «Христосъ воспрещаетъ исторгать плевелы, чтобы исторгая ихъ, не истребить вмѣстѣ съ тѣмъ и пшеницы..... Не возбраняетъ Христосъ разгонять скопища еретиковъ, заграждать имъ уста, отнимать у нихъ свободу, но убивать не дозволяетъ.» Христ. Чт. 1865, 435 стр. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ тѣ времена и еретики дѣйствовали насиліемъ.

Пагубная система насилія была возведена наконецъ въ положительную теорію бл. Августиномъ во время споровъ съ донатистами. Хотя онъ и не отрицалъ, что внѣшняя, вынужденная страхомъ или наказаніями, принадлежность къ церкви еще не превращаетъ человѣка въ истиннаго христіанина, онъ однако утверждалъ, что человѣкъ можетъ быть и внѣшними мѣрами, страданіемъ, подготовленъ къ вѣрѣ и къ спасенію. Онъ указывалъ въ видѣ примѣра на то, что Богъ воспитываетъ людей страданіями и такимъ образомъ приводитъ ихъ къ сознанію истины и къ вѣрѣ, и на родителей, наказывающихъ своихъ сыновей для ихъ же блага,—смѣшивая такимъ образомъ понятія правительственной власти съ понятіемъ власти родительской и даже божественной. Соглашаясь далѣе съ тѣмъ, что все добро проистекаетъ изъ свободной воли и что государственныя наказанія не въ состояніи вызвать ни истинно нравственнаго настроенія, ни истиннаго благочестія, онъ однако приходилъ къ заключенію, что подобно тому какъ государство караетъ внѣшнее проявленіе физическаго зла, преступленія, оно должно карать и проявленіе нравственнаго зла, т. е. схизму.

Еслибы допустить начало, что государство не должно заботиться о благочестіи своихъ подданныхъ, которое можетъ быть только результатомъ свободнаго убѣжденія и что это дѣло должно быть предоставлено внутреннему стремленію каждаго, то изъ этого начала слѣдовало бы заключить, замѣчалъ Августинъ, что государство должно предоставить и всѣмъ порокамъ своихъ подданныхъ полную свободу, чего никто утверждать не станетъ; если же необходимо преслѣдовать убійство, прелюбодѣяніе и всѣ другіе пороки, то почему же не преслѣдовать и дѣйствій противныхъ вѣры? Вся эта аргументація была очевидно основана на смѣшеніи юридико-государственной области съ нравственно-духовною. Сравнивая значенія страданій, возлагаемыхъ Богомъ на людей, съ дѣйствіемъ государственныхъ карательныхъ мѣръ, Августинъ забывалъ, что нравственно-очистительное вліяніе страданій на жизнь людей происходитъ отъ того, что страданія приводятъ человѣка къ убѣжденію въ своей собственной несостоятельности, уничтожаютъ въ немъ ложное самодовольствіе и самонадѣянность и побуждаютъ его вслѣдствіе того обратиться духовно къ высшему, стоящему внѣ его, началу, т. е. къ Богу; между тѣмъ какъ страхъ предъ карательными мѣрами государства, не затрогивая духовной жизни людей, можетъ только побудить ихъ или къ воздержанію отъ какого

Всесоюзная библиотека

либо внѣшняго дѣйствія, воспрещаемаго государствомъ, или къ исполненію какого либо внѣшняго дѣйствія или обряда, предписываемаго государствомъ и находящагося въ противурѣчіи съ ихъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Такимъ образомъ страхъ гражданскаго наказанія (безъ нравственныхъ мѣръ исправленія) не только не перерождаетъ человѣка внутренно, не только не вызываетъ въ немъ истиннаго благочестія, какъ въ этомъ сознавался и самъ Августинъ, но часто побуждаетъ его прямо къ лицемѣрію, т. е. ведетъ еще къ усиленію нравственнаго зла.

Теорія Августина, какъ мы видимъ, явилась послѣ факта. Преслѣдованія и карательныя понужденія происходили и до него; теорія Августина послужила только, такъ сказать, для успокоенія совѣсти христіанъ, не могшихъ не сознавать разлада между основными идеями христіанскаго ученія и понятіемъ внѣшняго насилія въ духовныхъ дѣлахъ. И безъ этой теоріи начало насилія продолжало бы вѣроятно развиваться въ христіанствѣ подъ вліяніемъ разныхъ благопріятныхъ ему условій того времени. Но несмотря на то, нельзя не признать, что теорія Августина, прикрывая зло, нанесла христіанской жизни существенный вредъ, такъ какъ она послужила исходною точкою той пагубной системы, которая выразилась въ безграничномъ духовномъ деспотизмѣ, въ крайней нетерпимости и наконецъ въ учрежденіи инквизиціи.

По мѣрѣ усиленія прилива къ церкви новыхъ полудикихъ народныхъ элементовъ, вслѣдствіе обращенія въ христіанство цѣлыхъ массъ разныхъ варварскихъ племенъ, система насильственной охраны единовѣрія все болѣе и болѣе усиливается и распространяется; вмѣстѣ съ тѣмъ протесты противъ нея въ средѣ церкви все болѣе становятся рѣдкими исключеніями и наконецъ совершенно замолкаютъ. Теорія насилія получаетъ на многіе вѣка уже никѣмъ не оспариваемое господство въ жизни всего христіанскаго общества.

Насильственное огражденіе не спасло однако единства церкви [1]).

---

[1]) Еще до окончательнаго отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной единство христіанской вѣры жестоко страдало отъ безчисленныхъ ересей и расколовъ. Въ вышеприведенной исторической статьѣ о свободѣ совѣсти, принадлежащей кажется покойному Іоанну Смоленскому и помѣщенной въ Христ. Чтеніи 1864 и 1865 годовъ, послѣ характеристики положенія церкви IV столѣтія, авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ главную причину того жалкаго положенія, въ которое пришла церковь, которая по словамъ Василія Великаго походила уже «на старую одежду, которая при всякомъ случаѣ легко рвется и не можетъ опять придти

Въ восточной церкви система гражданскаго вмѣшательства и внѣшняго огражденія, хотя и продолжала дѣйствовать, но Провидѣнію угодно было предохранить православную церковь отъ полнаго логическаго развитія этой пагубной системы и отъ возведенія ея въ силу догмата; начало внѣшней охраны оставалось и остается до настоящаго времени въ православной церкви, какъ примѣсь человѣческаго несовершенства, не искажая по крайней мѣрѣ основныхъ истинъ ея вѣры.

Напротивъ того на западѣ, въ средѣ римскаго католицизма это печальное начало, ничѣмъ не стѣсняемое, получило полное логическое развитіе, дошедши до послѣднихъ предѣловъ, какъ въ самомъ примѣненіи его на практикѣ, такъ и въ признаніи его на догматической почвѣ (почти въ качествѣ основнаго начала церкви).

Когда въ XVI столѣтіи въ Европѣ проявилось религіозное движеніе, получившее характеръ протеста противъ злоупотребленій папизма, римская церковь вступила съ нимъ въ безпощадную борьбу, обращая противъ послѣдователей реформы, которая распространилась въ средней и южной Европѣ, огонь и мечь, не столько въ качествѣ духовнаго, сколько въ видѣ вещественнаго оружія. Гоненія достигли ужасающихъ размѣровъ; люди гибли сотнями и тысячами. Костры инквизиціи въ Испаніи, Италіи и Нидерландахъ, варѳоломеевская ночь во Франціи, ужасныя казни въ Прагѣ послѣ роковой битвы на Бѣлой-Горѣ, возстановили нарушенное господство католицизма въ значительной части Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякое уваженіе къ свободѣ совѣсти и мысли окончательно искоренилось въ сознаніи людей.

Такъ напр. болѣе вѣка спустя, когда мѣстпал церковь во Фран-

въ первоначальную твердость»—«не столько ереси, не столько ослабленіе христіанскихъ нравовъ, сколько то, что было причиною и усиленія ересей и ослабленія нравовъ: вліяніе на церковь гражданской власти. Вліяніе этой власти было неправильно и неограниченно. Она-то внесла въ церковь свой духъ, т. е. духъ міра, со всѣми его слабостями, страстями, цѣлями; она не только слила церковь съ гражданскимъ обществомъ, во вредъ ея чистому духу, но и поработила ее обществу; въ высшей власти церкви явились раболѣпство и трусливость предъ чиноначаліемъ гражданскимъ; въ іерархіи внѣдрился злобный и всегубительный духъ интригъ ко взаимному вреду ея членовъ..... Мало по малу право государственное, вопреки всякой справедливости, возвысилось и возпреобладало надъ церковнымъ; дѣла вѣры и совѣсти перестали быть исключительно духовными, а перепутавшись съ гражданскими, сдѣлались государственными; а что всего ужаснѣе, личный характеръ предержащей власти пріобрѣлъ вліяніе на самую догматическую сторону церкви.... То, чего не могла сдѣлать языческая власть всевозможными насиліями, т. е. ослабить, унизить христіанство, то христіанская власть безъ особеннаго труда сдѣлала — своими услугами ему.»

ція находилась въ борьбѣ съ папствомъ за галликанскія права, она даже не пыталась поддерживать послѣднія на началахъ общей вѣротерпимости, напротивъ того она не переставала поощрять правительство къ преслѣдованію протестантизма (de la réligion prétendue réformée). Боссюэ, одинъ изъ главныхъ защитниковъ галликанизма, пишетъ въ своемъ сочиненіи: „Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture Sainte“ (сочиненіе это было предназначено въ руководство при обученіи наслѣдника престола) слѣдующее: „ceux qui ne veulent pas souffrir que le prince use de rigueur en matière de religion, parceque la religion doit être libre, sont dans une erreur impie“ („тѣ, которые не допускаютъ, чтобъ государственная власть дѣйствовала въ области религіи, пребываютъ въ нечестивомъ заблужденіи“).

Наконецъ, что поразительнѣе всего, сама реформа Лютера и Кальвина, возникшая на почвѣ свободы убѣжденія и раціонально объяснимая только на основаніи началъ свободы совѣсти, даже и она была пропитана духомъ нетерпимости и преслѣдованія.

Раньше всего и самымъ крайнимъ образомъ право преслѣдованія и понужденія въ дѣлахъ совѣсти было признано въ церковномъ управленіи Кальвина. Въ изданныхъ имъ: „Ordonnances ecclésiastiques de l'église de Genève“, хотя за церковью и не признавалось права примѣнять внѣшнія мѣры понужденія и каранія, но за то эта обязанность возлагалась по порученію церкви на государство, „которое не должно терпѣть появленія ложныхъ ученій, заражающихъ христіанское общество“. Въ силу этого начала католики подвергались изгнанію, а реформаты, непринимавшіе безусловно вѣроисповѣданія (Confession de Foy), провозглашеннаго для жителей женевской республики, подвергались, наравнѣ съ преступниками, пыткѣ, наказаніямъ и даже смертной казни; извѣстно, что Серве былъ сожженъ на кострѣ.

Система внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ вскорѣ проникла и въ лютеранскую церковь, выставившую первоначально знамя свободы совѣсти, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣшательство государства въ дѣла духовнаго убѣжденія было допущено не въ видѣ исполненія порученія церкви, а въ качествѣ самостоятельнаго акта главы государства, признававшагося главою мѣстной церкви и блюстителемъ единства въ вѣроученіи.

Въ началѣ своей реформаторской дѣятельности, Лютеръ прямо порицалъ всякое насиліе въ дѣлахъ вѣры. „Богъ одинъ, писалъ онъ, властвуетъ надъ душою и никому этой власти не

передаетъ. Дѣло вѣры — свободное дѣло, и никто къ нему понудить не можетъ. Вотъ почему, когда свѣтская власть дерзаетъ предписывать законы душѣ, она вмѣшивается въ дѣло божескаго правленія и тѣмъ соблазняетъ и портитъ души. Богъ одинъ сердцевѣдецъ, вотъ почему и невозможно и тщетно предписывать кому либо или насильственно понуждать кого либо вѣровать такъ или иначе.“

Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ пишетъ: „Еретиковъ слѣдуетъ побѣждать не огнемъ, а писаніями, подобно тому какъ дѣйствовали Отцы церкви. Еслибы все искусство состояло въ побѣжденіи еретиковъ огнемъ, то палачи были бы ученѣйшіе доктора на землѣ и намъ излишне было бы учиться (studieren), и слѣдовало бы просто тому, кто побѣдитъ другаго силою, сжигать противника. Ересь дѣло духовное (Ketzerei ist ein geistlich Ding); ее нельзя ни желѣзомъ изрубить, ни огнемъ сжечь, ни въ водѣ потопить. Увѣщевайте еретиковъ, не пускайте ихъ на кафедры, чтобы каждый могъ видѣть въ нихъ вредныя плевела и могъ бы, по словамъ Апостола Павла, избѣгать еретика; но Апостолъ не говоритъ, чтобы слѣдовало убивать еретиковъ.“

Но самъ Лютеръ не долго оставался на этой почвѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя въ письмѣ, написанномъ по поводу такъ называемой *Кур-саксонской-визитаціи*, онъ признаетъ за свѣтскою властію право противудѣйствовать розни въ ученіи (in der Lehre), для предупрежденія разлада въ церкви, подобно тому, „какъ императоръ Константинъ не хотѣлъ и не могъ терпѣть разлада, вызваннаго Аріемъ въ средѣ христіанства, и призвавъ епископовъ въ Никею, побудилъ ихъ къ пребыванію въ единеніи ученія и вѣры.“

Еще далѣе пошелъ Меланхтонъ, утверждая, что правительство, носящее мечь, должно воспрещать ереси, т. е. безбожныя ученія, а виновниковъ ересей наказывать. Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо утверждаетъ, что окончательная цѣль государства заключается въ установленіи (Herstellung) истиннаго богопознанія въ человѣческомъ обществѣ. На этомъ основаніи онъ признавалъ гражданскую власть „стражемъ обѣихъ скрижалей закона“.

Замѣчательно, что оба реформатора имѣли (какъ бы) предчувствіе той опасности, къ которой должно было привести подобное смѣшеніе властей въ рукахъ государства. „Я уже предвижу“, пишетъ Меланхтонъ, жалуясь на то, что не удалось сохранить епископальной власти — „какую церковь мы обретемъ послѣ

уничтоженія церковнаго учрежденія (Verfassung). Я предвижу въ будущемъ гораздо худшую тиранію, чѣмъ когда либо существовавшую.“ Съ своей стороны Лютеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „сатана всегда останется сатаной, подъ властію папы онъ вдвинулъ церковь въ государство, а въ наше время онъ силится вдвинуть государство въ церковь.“

Съ теченіемъ времени начало внѣшней насильственной охраны, возлагаемой на обязанность государства, все болѣе и болѣе укоренялось въ протестантствѣ. Въ прусскихъ церковныхъ постановленіяхъ XVI-го столѣтія, въ которыхъ глава государства признается охранителемъ чистоты ученія (Schirmherr der Reinheit der Lehre), прямо высказано, что, точно также какъ нельзя допускать отравленія колодцевъ, нельзя допускать и отравленія душъ. Мало по малу глава государства изъ охранителя чистоты ученія превращается какъ бы въ собственника религіи, на основаніи возникшей въ то время теоріи: cujus regio ejus religio (чье царство, того и религія), — такимъ образомъ религіозныя убѣжденія подданныхъ должны были обусловливаться вѣрою, исповѣдываемою главою государства. Трудно вообразить, къ чему должно было привести на практикѣ примѣненіе подобнаго начала, особенно въ странѣ разбитой на мелкія владѣнія, постоянно переходившія, вслѣдствіе нескончаемыхъ войнъ, изъ рукъ въ руки, отъ католическихъ государей къ лютеранскимъ, отъ лютеранскихъ къ кальвинистскимъ, и т. д. Гефкенъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенныя свѣдѣнія, описываетъ въ своемъ сочиненіи [1]) положеніе дѣлъ въ протестантской Германіи въ концѣ XVI вѣка слѣдующими словами: „между тѣмъ какъ богословы считали своимъ правомъ громить съ кафедры не только кальвинистовъ, но даже тѣхъ единовѣрцевъ, которые отстаивали какое либо самостоятельное мнѣніе, до того что они упрекали даже въ синкретизмѣ и въ опустошеніи Христова стада извѣстнаго лютеранина Іоганна Арндта, только потому, что онъ настаивалъ въ своемъ сочиненіи „Истинное христіанство“ (Wahres Christenthum) на необходимости святаго образа жизни (heiliger Wandel), въ средѣ народа распространялись грубость, суевѣріе и порча нравовъ. Проповѣдники не стыдились возбуждать народъ противъ такъ называемыхъ лжеучителей, по поводу такихъ тонкостей въ различіяхъ мнѣній, которыя для насъ становятся почти

---

[1]) Staat und Kirche. Berlin. 1875.

непонятными. Господствующая партія, не ограничивалась бранью, екскомуникаціями, смѣщеніями противниковъ, изгоняла ихъ изъ государства, заточала въ темницы, подвергала казнямъ; такъ былъ обезглавленъ въ Кенигсбергѣ придворный пасторъ Іоаннъ Функъ."

Мы видимъ такимъ образомъ, что начало внѣшняго насилія, господствовавшее въ западной Европѣ около пятнадцати вѣковъ, привело къ результату прямо противуположному тому, котораго желали достигнуть. Прежде всего отъ церкви отдѣлился западно-римскій католицизмъ, за тѣмъ отъ римской церкви отдѣлился протестантизмъ, отъ протестантизма реформатство или кальвинизмъ, наконецъ какъ протестантство, такъ и реформатство подраздѣлились на безчисленное количество сектъ и толковъ; католики преслѣдовали лютеранъ, лютеране кальвинистовъ, протестанты протестантовъ другихъ оттѣнковъ. Однимъ словомъ, появилось положеніе вещей рѣзко противуположное всякому духу единенія и христіанской любви. Въ дальнѣйшемъ же развитіи постоянное подавленіе свободы совѣсти, убѣжденія и мнѣнія вызвало, въ видѣ печальной реакціи, совершенное отрицаніе христіанской идеи, высказавшееся въ литературѣ XVIII вѣка и въ раціонализмѣ XIX вѣка.

Къ опыту Западной Европы мы можемъ присоединить опытъ нашей собственной исторіи. Начало внѣшней охраны, укрѣпившееся у насъ, несмотря на протестъ многихъ представителей нашего духовенства [1]), и господствующее до сихъ поръ, не сохранило единства и въ нашей средѣ. Оно не могло помѣшать отдѣленію отъ православной церкви милліоновъ сектантовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно надѣлило нашу религіозную жизнь формализмомъ, подавляющимъ всякую искренность и глубину религіозной мысли.

Чѣмъ же объяснить, что столь вредное и опасное начало, осужденное евангельскимъ ученіемъ, человѣческой логикой и опытомъ исторіи, продолжаетъ держаться и господствовать до сихъ поръ?

II.

Основное стремленіе христіанскаго ученія направлено къ освобожденію людей отъ рабства плоти, т. е. къ установленію власти духа надъ матеріею. Цѣль эта можетъ быть достигнута только на началѣ свободнаго самоопредѣленія. Вотъ почему естественное несовершенство (грѣховность) человѣчества должно было выска-

[1]) См. рѣчь Колловича въ засѣданіи петерб. отдѣла общ. люб. дух. просвѣщ. 25 апрѣля 1876 г.

зать свое противудѣйствіе христіанской идеи именно въ борьбѣ матерьяльной стихійности надъ духомъ, которая (между прочимъ) выразилась и въ примѣненіи понужденія къ духовной жизни вѣры

Дѣло спасенія человѣчества, совершенное Іисусомъ Христомъ, было преимущественно дѣломъ побѣды духа надъ плотію, надъ стихійностію („Я побѣдилъ міръ“). Ученіе Спасителя, Его жизнь, Его смерть, Его воскресеніе представляютъ полное, совершенное, ничѣмъ не омраченное торжество духа. Сосредоточивая въ своей божественной личности все человѣчество, Іисусъ Христосъ преподалъ намъ вѣчный примѣръ, которому мы должны стремиться подражать, и сообщилъ вѣрующему человѣчеству силу Благодати, подкрѣпляющую людей въ этой борьбѣ.

Моментъ этой борьбы, проходящей чрезъ жизнь всего человѣчества, борьбы между стихійностію плоти и духомъ, или по крайней мѣрѣ, въ высшемъ смыслѣ, между плотскими и духовными воззрѣніями, долженъ былъ высказаться и въ жизни самаго Спасителя; побѣда предполагаетъ борьбу. Она дѣйствительно высказалась въ самомъ началѣ его божественнаго служенія за спасеніе человѣчества. Евангеліе повѣствуетъ намъ, что духъ-искуситель, показавъ Христу *всѣ царства міра и славу ихъ*, рекъ: „все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ“. При безграничномъ смиреніи и неподражаемой духовной чистотѣ и духовномъ величіи Христа, это искушеніе очевидно не могло состоять въ простомъ, грубомъ искушеніи честолюбія или властолюбія. Не естественнѣе-ли предположить, что Іисусу Христу, сознававшему, что Онъ предназначенъ властвовать надъ міромъ для блага и спасенія человѣчества, духъ-искуситель представилъ возможность основать царство Мессіи на началѣ внѣшней силы, учредить царство „отъ міра сего“, котораго въ сущности чаяли евреи, и ставъ во главѣ этого царства, надѣлить родъ человѣческій законами и управленіемъ, которые должны бы были обезпечить человѣческое благо.... Но, Онъ отвергъ подобное искушеніе не колеблясь, признавъ осуществленіе подобной мысли равнозначущимъ съ поклоненіемъ Духу Зла; онъ рѣшился основать „царство не отъ міра сего“, сооруженное одними духовными средствами и обусловленное свободнымъ согласіемъ вступающихъ въ оное [1]).

---

[1]) Мы заимствуемъ вышеприведенный взглядъ на искушенія Спасителя изъ замѣчательнаго анонимнаго англійскаго сочиненія «Ecce Homo», которое мы надѣемся представить вскорѣ, въ русскомъ переводѣ, нашимъ читателямъ.

Этому искушенію, отъ котораго торжественно отрекся божественный Основатель церкви, — суждено было восторжествовать впослѣдствіи въ ея органахъ.

Отклоненіе церковной жизни отъ первоначальной чистоты христіанской идеи явилось естественнымъ послѣдствіемъ оскудѣнія или по крайней мѣрѣ ослабленія вѣры. По естественному ходу вещей, съ развитіемъ въ ширину (т. е. съ распространеніемъ на большія массы людей) глубина христіанскаго чувства должна была уменьшиться въ обществѣ, а для того, чтобы разсчитывать на могущественное дѣйствіе духовнаго начала, необходима глубокая вѣра въ это духовное начало; съ другой стороны, только при истинной живой вѣрѣ въ идею — возможно сильное воздѣйствіе послѣдней на жизнь. Всѣ великія дѣла творились подъ вліяніемъ воодушевленія. Эти два понятія совершенно солидарны. Нельзя поэтому оспаривать, что слабая вѣра не можетъ имѣть сильнаго вліянія на общество, но ошибка человѣческаго *раціонализма* заключается въ томъ, что вмѣсто того, чтобы заботиться объ усиленіи вѣры духовными средствами, онъ стремится достигнуть тѣхъ же результатовъ путемъ внѣшнихъ мѣръ насилія, путемъ понужденія, основаннаго на гражданскихъ карательныхъ мѣрахъ. Недовѣріе къ дѣйствующей силѣ духовной истины, разсчетъ на человѣческія средства такъ сильно вкоренились въ людяхъ, что даже очевидные результаты исторіи, неопровержимо доказывающіе, что подобное стремленіе приводитъ только къ результатамъ прямо противоположнымъ той цѣли, которой желали достигнуть, не въ состояніи побороть странное убѣжденіе, что насиліемъ можно дѣйствовать на духъ, или что безъ дѣйствія на духовную сторону человѣка, можно улучшать людей.

Господство духовной свободы сопровождается кромѣ того всегда борьбою, требующею усиленнаго противудѣйствія со стороны защитниковъ христіанской идеи; подъ началомъ внѣшняго гнета, напротивъ того, устанавливаются кажущійся миръ и покой, порядокъ и спокойствіе, но подъ этою мирною оболочкою происходитъ духовное усыпленіе, затѣмъ начинается нравственное разложеніе, и вдругъ предъ блюстителями духовнаго порядка проявляются результаты, поражающіе своимъ печальнымъ характеромъ, но поражающіе только тѣхъ, которые забыли слова Спасителя: „думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ! Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе“, и мечтавшихъ во внѣшнихъ на-

сильственныхъ мѣрахъ найти условія нравственнаго и духовнаго развитія общества.

Вселенское общество, установленное на началахъ любви, т. е. церковь, осуществляетъ въ себѣ идею *единства человѣчества* — также какъ осуществленію этой же идеи въ болѣе реальной сферѣ служитъ государственно-гражданское общество. Но, между тѣмъ какъ потребность жизни въ этомъ обществѣ (разумѣемъ подъ этимъ названіемъ всѣ формы такого общества, отъ послѣдней политической организаціи европейскихъ государствъ до роднаго быта кочующихъ племенъ) является въ человѣкѣ инстинктивно, т. е. какъ прирожденная потребность,— участіе въ жизни духовнаго общества, церкви, можетъ быть только послѣдствіемъ свободнаго самоопредѣленія, т. е. дѣломъ духовнаго убѣжденія. Человѣкъ можетъ отказаться отъ этой послѣдней жизни, уничтожить въ себѣ всѣ нравственныя стремленія, въ своемъ паденіи онъ можетъ наконецъ дойти до почти животнаго состоянія; но отъ государственно-общественной жизни онъ отказаться не можетъ, потому что онъ не можетъ существовать внѣ всякаго общества и даруемой имъ охраны, точно также какъ муравей или пчела не могутъ существовать внѣ того общественнаго организма, къ которому ихъ влечетъ инстинктъ. Если въ послѣдующіе періоды развитія, общество и его послѣдующія формы гражданственности и государственности обезпечиваютъ людямъ возможность осуществленія высшихъ задачъ человѣческой жизни, то въ началѣ они являются преимущественно охранителями членовъ общества отъ всякаго физическаго зла и внѣшняго насилія. Вотъ почему государственно-гражданское общество, по самому существу своему, можетъ и должно употреблять противъ непокорныхъ своихъ членовъ разныя внѣшнія, понудительныя, полицейскія мѣры, для поддержанія порядка, обезпеченія потребности существованія общества или государства, охраны его и т. д. Церковь же не можетъ приступить къ такимъ мѣрамъ, не уничтожая самаго кореннаго отличія своего отъ всякаго государственнаго общества; это отличіе заключается въ духовной свободѣ самоопредѣленія.

Только съ постепеннымъ развитіемъ государственно-гражданскаго общества, начало свободнаго самоопредѣленія начинаетъ проникать въ жизнь этого общества, какъ послѣдствіе прогреса. Вотъ почему въ глубокой древности оно высказывается весьма слабо. Чѣмъ дальше мы восходимъ въ исторіи гражданскихъ обществъ,

тѣмъ замѣтнѣе проявляется дѣйствіе начала внѣшней силы. „Мы не можемъ, замѣчаетъ женевскій философъ Секретанъ, [1]) добраться до первыхъ родниковъ исторіи, но самое древнее состояніе человѣчества, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія, характеризовалось повидимому совершеннымъ отсутствіемъ или отрицаніемъ нравственной индивидуальности. Первыя цивилизаціи имѣютъ деспотическій характеръ, первыя религіи — фаталистическія. Человѣчество представляется однообразною массою, инстинктивно подчиняющеюся непреодолимымъ влеченіямъ. Оно представляетъ какъ бы картину тяготѣющаго надъ нимъ проклятія грѣхопаденія. Вмѣсто того чтобы превратить свое естество въ свободу, путемъ послушанія (воли Божіей), человѣчество захотѣло освободиться отъ внутренняго правила, и, результатомъ этого является, какъ мы видимъ, изнеможеніе подъ тяжестію внѣшняго давленія. Въ этомъ періодѣ человѣчество представляется намъ безъ исторіи, потому что оно еще не сознаетъ само себя, а не сознаетъ оно себя потому, что оно безъ свободы“. Начиная съ понужденія своихъ членовъ къ исполненію всѣхъ необходимыхъ для существованія общества повинностей, общество стремится однако въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ побужденію проявленія тѣхъ же услугъ въ видѣ самодѣятельности его членовъ, развивая въ нихъ наконецъ, какъ высшее начало, начало самопожертвованія. Такимъ образомъ общее историческое стремленіе общества направлено къ замѣнѣ начала внѣшняго побужденія началомъ внутренняго самоопредѣленія, и можно сказать, что чѣмъ болѣе развито общество, тѣмъ сильнѣе преобладаніе въ средѣ его членовъ послѣдняго начала надъ первымъ.

Но то, что въ государственно-гражданскомъ обществѣ является *результатомъ высшаго развитія*, то, въ духовномъ обществѣ, въ церкви, по самой идеѣ послѣдней, является *исходною точкою*, необходимымъ условіемъ жизни; потому что безъ духовной свободы нѣтъ здоровой, духовной жизни, нѣтъ истинной, высшей нравственности и не можетъ быть дѣйствительнаго, жизненнаго единенія въ церкви. Единство церкви воспроизводитъ и освящаетъ понятіе единства, человѣчества, но осуществленіе этого единства можетъ проявиться только путемъ свободнаго самоопредѣленія индивидумовъ.

---

[1]) Philosophie de la liberté par Charles Secretan (L'Histoire). Paris-Neuchatel. 1872.

Забывая коренную разницу, существующую между этими двумя общественными организмами (государственно-гражданскимъ и духовнымъ обществами), при всей ихъ аналогіи, люди не могли не подпасть искушенію перенести прямо порядки гражданской жизни въ церковную область, когда, послѣ признанія церкви государствомъ, насталъ моментъ ихъ взаимнаго разграниченія. Церковная жизнь во многомъ соприкасается и отчасти сливается съ государственною жизнію, такъ какъ члены церкви суть вмѣстѣ съ тѣмъ и члены государства; поэтому съ самаго начала явилась необходимость опредѣлить отношенія области церковной къ области государственной и разграничить ихъ, на сколько возможно, по всѣмъ частностямъ примѣненія, а это оказывается дѣломъ чрезвычайно сложнымъ и труднымъ. Самая затруднительность вопроса должна была, при его разрѣшеніи на практикѣ, вызывать неизбѣжно захваты то въ ту, то въ другую сторону; т. е. со стороны церкви въ области государства и со стороны государства въ области церкви; каждый подобный захватъ, въ какую бы сторону таковой ни происходилъ, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніемъ духовнаго начала съ началомъ внѣшней силы.

Изъ всего вышеприведеннаго оказывается, что главная причина того энергическаго сопротивленія допущенію вѣротерпимости, которое проявлялось и продолжаетъ проявляться въ человѣческомъ обществѣ, заключается въ естественномъ антагонизмѣ между духомъ и плотію, т. е. между вѣрою въ силу духовнаго начала и маловѣріемъ, стремящимся восполнить эту немощь духа внѣшнею силою, или правильнѣе насиліемъ, въ надеждѣ обезпечить миръ религіозной жизни карательными мѣрами.

Пока церковь была гонима, подобное искушеніе не могло представлять для нея существенной опасности, но съ момента признанія христіанства римскою имперіей сила искушенія воспользоваться готовыми средствами для распространенія своей власти даже на неподчиняющихся ей добровольно, — средствами радушно предложенными ей со стороны государства, — должна была возрасти до чрезмѣрности, тѣмъ болѣе, что распространеніе въ ширину не могло не произойти на счетъ глубины христіанскаго чувства въ обществѣ; ко всему этому присоединяется еще одно весьма существенное обстоятельство, хотя и въ качествѣ второстепенной причины, а именно значительная трудность удовлетворительнаго разграниченія области церкви съ областью государства.

Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ совѣсти прямымъ путемъ приводитъ насъ къ вопросу объ отношеніяхъ государства къ церкви.

III.

Разсматривая упомянутый вопросъ со всѣхъ сторонъ, необходимо прежде всего коснуться двухъ самыхъ крайнихъ его рѣшеній, т. е. полнаго сліянія государства съ церковію и полнаго разлученія этихъ двухъ организмовъ.

Первое предположеніе осуществимо только однимъ изъ двухъ способовъ: посредствомъ поглощенія государства церковью — къ чему стремится латинскій католицизмъ — или посредствомъ поглощенія церкви государствомъ — къ чему весьма приближается официальный протестантизмъ Англіи и отчасти Германіи. Доказательство несостоятельности какъ того, такъ и другаго направленія въ отношеніяхъ государства къ церкви не требуетъ большой аргументаціи, дѣло говоритъ за себя.

Поглощеніе государства церковью, т. е. теократія, осуждается прямо словами Спасителя: „царство Мое не отъ міра сего“, а предъ глазами недовольствующихся этими словами открывается вся сцена исторіи, отчасти нами описанная выше и служащая непрестаннымъ и непреложнымъ доказательствомъ глубокой, божественной истины, заключающейся въ этихъ словахъ. Съ другой стороны, поглощеніе церкви государствомъ равнялось бы совершенному уничтоженію церкви, т. е. опять отрицанію основной христіанской идеи. Однимъ словомъ, оба эти предположенія, возможныя только при подчиненіи внутренней духовной жизни, которая должна выражаться въ церкви, внѣшнему понужденію — находятъ уже въ одномъ этомъ свое полное осужденіе [1]).

---

[1]) По поводу невозможности сліянія церкви съ государствомъ, свящ. В. Кутузовъ замѣчаетъ весьма справедливо слѣдующее въ своей статьѣ: «Различіе между церковью и государствомъ», помѣщенной въ № 21 Церковн. Вѣстника 1870 г.

«И такъ какъ природа у всѣхъ людей одинакова, такъ какъ, съ другой стороны, каждый человѣкъ долженъ стремиться къ достиженію послѣдней цѣли бытія своего — къ уподобленію Богу и возсоединенію съ Нимъ, и руководить къ тому людей, есть дѣло и задача церкви, то очевидно, что въ ней могутъ соединяться безъ исключенія всѣ люди для этой общей и великой цѣли. Отсюда пространство и составъ церкви всеобщи, не ограничены; она обнимаетъ собою людей всѣхъ мѣстъ, временъ и всѣхъ народовъ, соединяемыхъ однимъ духомъ вѣры. Въ этомъ

Затѣмъ остается другая крайность, а именно совершенное отдѣленіе государства отъ церкви. Теорія Кавура „l'Eglise libre dans l'Etat libre", если ее понимать въ этомъ смыслѣ — сталкивается съ однимъ весьма существеннымъ возраженіемъ, а именно съ тѣмъ, что полное отдѣленіе церкви отъ государства, со временъ признанія церкви государствомъ, никогда, нигдѣ не существовало, потому что оно просто невозможно. Страждущая, подавленная, мученическая церковь могла не знать никакой офиціальной связи съ государствомъ, хотя и тутъ можно сказать, что самый актъ гоненія проявляетъ въ себѣ извѣстное отношеніе государства къ церкви, но какъ скоро государство признаетъ церковь или даже только допускаетъ существованіе ея, являются немедленно такія взаимныя отношенія, которыя невозможно не регулировать такъ или иначе. Даже въ такихъ странахъ, которыя отличаются наибольшею религіозною свободою (въ Америкѣ, въ Бельгіи, въ Италіи), мы не видимъ полнаго отдѣленія государства отъ церкви; безусловнаго примѣненія начала государственнаго невмѣшательства не существуетъ. Раздѣльность церкви и государства высказывается болѣе всего въ диссидентскихъ сектахъ Англіи и Америки, но и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы эта раздѣльность была полная. Въ охранѣ, которою онѣ пользуются, и въ разныхъ частностяхъ ихъ жизни выражается извѣстная связь съ государствомъ, даже извѣстная зависимость отъ него. Весь вопросъ приводится такимъ образомъ къ *болѣе или менѣе* тѣсной связи, но самая связь, въ своемъ существѣ, остается внѣ вопроса.

И такъ, если по самому существу дѣла отстраняются уже апріористически и полное *сліяніе* и совершенная *розня*, и если

отношеніи церковь также очевидно отличается отъ государства. Въ составъ послѣдняго могутъ входить люди различныхъ религіозныхъ убѣжденій, только управляющіеся однимъ закономъ, сообразнымъ съ мѣстными условіями, дѣйствующими въ предѣлахъ одной извѣстной страны. Въ церкви наоборотъ. Изъ членовъ государства къ ней могутъ принадлежать только исповѣдающіе одну истинную вѣру; но за то она беретъ ихъ въ свой составъ изъ всѣхъ государствъ и гражданскихъ человѣческихъ обществъ. Устройство и формы этихъ обществъ могутъ быть весьма различны, смотря по мѣстнымъ условіямъ страны и потребностямъ времени, съ измѣненіемъ коихъ измѣняются и самые законы, дѣйствующіе въ сихъ обществахъ. Не такъ въ церкви. Обязанная своимъ началомъ неизмѣнному Богу, имѣя свою особенную, неизмѣняемую цѣль, она имѣетъ и свое особое, неизмѣнное устройство; она имѣетъ свой божественный неизмѣняемый законъ, ведущій людей путемъ правымъ къ жизни вѣчной; имѣетъ свои спасительныя средства, дѣйствующія на освященіе людей; имѣетъ, наконецъ, своихъ правителей духовныхъ, Богомъ поставленныхъ руководствовать вѣрующихъ закономъ и спасительными средствами къ указанной имъ высокой цѣли. Все это вмѣстѣ и составляетъ существенное различіе между церковію и государствомъ».

остается возможнымъ только *сочетаніе* двухъ организмовъ государства и церкви, то затѣмъ вопросъ уже прямо ставится на слѣдующую ясно опредѣленную почву: какого рода должно быть это сочетаніе между государственною и церковною организаціей, между государственною и церковною жизнію въ странѣ?

На поставленный такимъ образомъ вопросъ, мы находимъ въ общемъ смыслѣ отвѣтъ въ словахъ Спасителя: „воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови“; все то, что составляетъ предметъ внутренней духовной жизни, входитъ въ область церкви, а всѣ внѣшнія проявленія общественной и политической жизни, въ томъ числѣ и внѣшнія проявленія духовной жизни, находящіяся въ непосредственной связи съ послѣдней — область государства. Но этими словами дается только общая характеристика границъ естественной области каждаго изъ этихъ двухъ организмовъ, а не дается еще практическаго разрѣшенія всѣхъ частностей примѣненія высказаннаго начала. Можетъ ли однако существовать по этому предмету одинъ общій отвѣтъ? Во многихъ, даже въ большинствѣ случаевъ, эти области переходятъ одна въ другую; духовная, внутренняя жизнь отчасти проявляется во внѣшнихъ актахъ, отчасти связывается въ своемъ проявленіи съ разными гражданскими дѣйствіями; когда двѣ области не разграничены между собою, по самому существу жизни каждой, а переходятъ одна въ другую, очевидно невозможно положить навсегда и вездѣ твердой, неизмѣнной границы между ними. Изъ невозможности же твердаго опредѣленія подобной границы логически вытекаетъ, что вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви не можетъ получить одного общаго отвѣта, а долженъ быть различно разрѣшаемъ сообразно съ временемъ, со средою, въ которой вопросъ поставленъ, и съ прочими сопровождающими условіями. Очевидно, напримѣръ, что онъ долженъ разрѣшиться различно, смотря потому, находится ли мѣстная христіанская церковь въ христіанской или нехристіанской странѣ; затѣмъ правительство и законодательство могутъ имѣть дѣло съ одною или съ нѣсколькими церквами; съ другой стороны, отношенія государства къ церкви будутъ неизбѣжно нѣсколько видоизмѣнены смотря по тому, съ какою церковію государство имѣетъ дѣло: его отношенія къ католицизму будутъ иныя, чѣмъ его отношенія къ протестантизму или къ православію.

Такимъ образомъ этому вопросу въ разныхъ условіяхъ мо-

гутъ соотвѣтствовать различные отвѣты; при всей ясности основнаго начала, онъ въ дѣйствительной жизни весь разрѣшается въ частностяхъ. Можно только требовать, чтобы въ основаніи каждаго частнаго рѣшенія лежала руководящая общая мысль: отдайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу. Христіанство тѣмъ и отличается отъ іудаизма, что оно не даетъ человѣчеству запаса готовыхъ формулъ для практической жизни, формулъ, которыя или не соотвѣтствовали бы развитію и жизни даннаго народа, или, строго примѣняемыя, стѣсняли и ограничивали бы это развитіе, эту жизнь. Христіанство, преподавая общее духовное основаніе и предоставляя людямъ каждой эпохи и каждой страны согласовать *практическую жизнь* съ этимъ общимъ началомъ, по *ихъ собственному разумѣнію*, никогда не можетъ прійдти въ антагонизмъ съ извѣстнымъ временемъ или извѣстнымъ народнымъ развитіемъ; оно вѣчно юно, вѣчно всесильно, вѣчно возраждаетъ и обновляетъ всякую жизнь.

На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, Западная Европа еще не дала намъ удовлетворительнаго отвѣта. Продолжительная, вѣковая борьба между гражданскою и церковною властями были до сихъ поръ безсильны выработать тамъ какія либо вполнѣ разумныя, логически послѣдовательныя отношенія между государствомъ и церковію. Если же принять въ соображеніе разнообразіе политическаго устройства и національныхъ условій, проявляющееся въ различныхъ странахъ Европы, то вышеуказанное неудовлетворительное положеніе дѣла приводитъ насъ къ предположенію, не по винѣ ли самой церкви (или лучше церквей) этотъ важный вопросъ оказывается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ въ Западной Европѣ? Невозможность установленія правильныхъ отношеній между государствомъ и церковію, несмотря на разнообразіе тѣхъ мѣстныхъ условій, въ которыя церковь поставлена въ различныхъ странахъ Европы — не является ли послѣдствіемъ искаженія самой идеи церкви (какъ въ католичествѣ, такъ и въ протестантствѣ) и не объясняется ли эта невозможность весьма просто отсутствіемъ въ Западной Европѣ истинной церкви? Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви можетъ быть правильно и удовлетворительно разрѣшенъ только тамъ, гдѣ существуетъ истинная церковь, т. е. въ отношеніяхъ государства къ православной церкви.

Въ виду невозможности считать у насъ этотъ вопросъ

удовлетворительно и окончательно разрѣшеннымъ на практической почвѣ, мы не можемъ подкрѣпить вышеприведенное мнѣніе историческими или дѣйствительными фактами, но можемъ привести слѣдующія, весьма существенныя, хотя и имѣющія нѣсколько апріористическій характеръ, соображенія.

Все то, что составляетъ сущность различія православія съ католицизмомъ и протестантизмомъ (здѣсь разумѣется духъ православія, а не то или другое реальное проявленіе его въ жизни, которое неизбѣжно должно быть обусловлено степенью историческаго развитія того народа, въ средѣ котораго эта жизнь проявляется), — всю сущность этого различія можно считать условіемъ, не только не затрудняющимъ, а положительно облегчающимъ и содѣйствующимъ къ разрѣшенію вопроса о церкви и государствѣ.

Христіанство соединяетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ правильныя и истинныя понятія, содержащіяся, въ видѣ односторонихъ положеній, въ разныхъ другихъ религіозныхъ и философскихъ системахъ, приводя къ гармоническому сочетанію начала, кажущіяся противоположными другъ другу только вслѣдствіе исключительности односторонняго развитія ихъ въ другихъ ученіяхъ; точно такъ же и ученіе истинной церкви должно и можетъ служить правильнымъ сочетаніемъ правильной римской идеи единства церкви съ правильнымъ протестантскимъ понятіемъ о свободѣ.

Латинская церковь пожертвовала свободой человѣческаго духа для охраненія единства церкви. Охраняя такимъ образомъ это единство мѣрами внѣшняго понужденія и насилія, т. е. реально человѣческими средствами, она пришла, силою роковой, логической послѣдовательности, къ олицетворенію этого единства въ одномъ человѣкѣ, т. е. въ папѣ, — въ лицѣ котораго естественному человѣку приписываются, если и не божескія, то по крайней мѣрѣ сверхъестественныя, духовныя качества. Уже папа Иннокентій III прямо и открыто заявлялъ, что, какъ намѣстникъ Христа, онъ стоитъ на срединѣ между Богомъ и людьми, онъ менѣе Бога, но онъ болѣе людей.... Измѣнивъ духовному началу и преклонившись предъ чисто человѣческимъ началомъ властолюбія и внѣшняго насилія, папство не могло не внести въ христіанское ученіе языческаго элемента, который выразился именно въ оказаніи почти божескихъ почестей *человѣку*. Трудно указать на различіе по существу между значеніемъ личности

папы согласно воззрѣнію Иннокентія III и титуломъ „Augustus“, соединявшимся съ именемъ римскихъ императоровъ, которымъ какъ лицамъ священнымъ (сверхъестественнымъ) оказывались божескія почести.

Стремясь вырваться изъ роковаго круга католической логики, протестантизмъ впалъ въ другую, противуположную крайность, — онъ пожертвовалъ идеею единства церкви, свободѣ человѣческой мысли и человѣческаго развитія. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы видимъ единство соединенное съ духомъ деспотизма, а съ другой, свободу и индивидуализмъ, доходящій до духовной анархіи.

Протестантизмъ не могъ однако отказаться совершенно отъ идеи объ единствѣ церкви и потому перенесъ это единство на невидимую церковь въ видѣ протеста противъ излишней человѣческой реальности видимой церкви въ римскомъ ученіи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ противность космополитизму въ римской церкви онъ выставилъ впередъ начало мѣстныхъ церквей, въ понятіи которыхъ высказывается уваженіе къ національному элементу. Однимъ словомъ, въ виду полнаго смѣшенія идеальнаго и реальнаго понятій церкви въ католичествѣ, протестантизмъ пришелъ къ совершенному разъединенію этихъ двухъ понятій, признавъ идеальную церковь только въ отвлеченномъ понятіи невидимой церкви, а въ мѣстныхъ національныхъ церквахъ реальное (т. е. конкретное) проявленіе несовершенныхъ ея органовъ.

Православное догматическое ученіе сохранилось, во всей своей чистотѣ, на срединѣ между этими двумя противуположными крайностями. Сочетая единство церкви со свободою человѣческаго духа, оно освобождаетъ отъ искажающей примѣси деспотизма и анархіи истинныя начала, содержащіяся въ католицизмѣ и протестантизмѣ, но получившія въ каждомъ изъ нихъ исключительное и односторонее развитіе. Истинная церковь сохраняетъ уваженіе къ національному элементу, — въ идеѣ *мѣстныхъ церквей*, — и сохраняетъ также общечеловѣческое начало, проявляющееся въ космополитизмѣ католичества, въ идеѣ *вселенской церкви;* наконецъ воздерживаясь какъ отъ смѣшенія, такъ и отъ полнаго разъединенія идеальной и реальной идей церкви въ томъ видѣ, какъ онѣ проявляются въ католицизмѣ и протестантизмѣ, православіе осуществляетъ правильное сочетаніе этихъ двухъ понятій.

По своему несовершенству люди не могутъ не вносить своихъ недостатковъ въ реальное проявленіе всякой идеи; ничего

абсолютно-совершеннаго въ дѣйствительной человѣческой жизни существовать не можетъ. Вотъ почему, и при реальномъ осуществленіи *идеи церкви* въ человѣческомъ обществѣ, неизбѣжно проявленіе разныхъ несовершенствъ и недостатковъ; но въ православіи всѣ эти несовершенства и недостатки высказываются и могутъ высказываться только въ мѣстныхъ церквахъ, которыя суть несовершенные человѣческіе органы вселенской церкви. Идея же вселенской церкви, хотя и *осуществляется въ дѣйствительности, но болѣе внутреннимъ духовнымъ, чѣмъ внѣшнимъ образомъ, — въ томъ духѣ взаимной любви и уваженія, который, соединяя воедино, существуетъ между мѣстными церквами*, и на основаніи котораго никакое общее распоряженіе, касающееся вселенской церкви, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ съ согласія всѣхъ мѣстныхъ церквей.

Такимъ образомъ всѣ потребности мѣстной національной жизни находятъ въ православіи полное удовлетвореніе и полный просторъ для своего развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ идея вселенской общности и непоколебимая твердость догмата находятъ дѣйствительное выраженіе и охрану въ духовной связи, существующей между отдѣльными церквами. Достигая такимъ образомъ духовнымъ путемъ того единенія церкви, къ которому стремится католицизмъ, связь, соединяющая мѣстныя православныя церкви, неолицетворяясь постоянно въ реальномъ органѣ, имѣетъ нѣкоторое подобіе съ понятіемъ *невидимой* церкви протестантизма— потому что эта связь духовная, идеальная; но вмѣстѣ съ тѣмъ она кореннымъ образомъ отличается отъ протестантской идеи тѣмъ, что эта духовная связь, эта идеальная вселенская церковь *дѣйствительно существуетъ*, хотя и безъ видимаго формальнаго органа; она *дѣйствительно проявляется въ жизни* и дѣйствуетъ охранительно на истину ученія, а не остается отвлеченнымъ понятіемъ.

Можно возразить противъ вышеизложеннаго мнѣнія, что видимымъ органомъ единства православной церкви признаются вселенскіе соборы, но во первыхъ это не постоянный органъ, а только случайно (т. е. исторически случайно)-реальное проявленіе духовной связи въ данный моментъ и въ виду извѣстной потребности. Послѣдній вселенскій соборъ былъ въ 787 году; съ тѣхъ поръ единство православной (вселенской) церкви поддерживалось въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ только тою чисто духовною, реально невидимою, но все же дѣйствительно существующею связью, о кото-

рой мы говоримъ. Съ тѣхъ поръ, какъ основной православный догматъ вполнѣ высказался, задача вселенской церкви можетъ только заключаться въ охранѣ его отъ всякихъ примѣсей, какъ эта мысль и выражена на Константинопольскомъ Вселенскомъ соборѣ, а противъ всякихъ искаженій чистоты ученія, существующая духовная связь между мѣстными церквами оказалась до сихъ поръ совершенно достаточною охраной. Будетъ ли этой духовной связи достаточно и въ будущемъ или потребуется когда либо по какому либо случаю новое созваніе вселенскаго собора? Это такой вопросъ, который никто предрѣшить не можетъ. Не менѣе трудно предрѣшить вопросъ о томъ, когда опять явится *возможность* созванія вселенскаго собора. Въ томъ, какъ слѣдуетъ понимать идею вселенскаго собора, православная церковь представляетъ опять разительную противуположность съ католицизмомъ. Православная церковь, хотя и заключаетъ въ себѣ понятіе вселенской церкви, не можетъ однако не принять въ соображеніе факта отдѣленія отъ нея всего запада. Въ виду этого факта, она со времени отдѣленія западной церкви не имѣла вселенскаго собора. Римъ, напротивъ, гордо опираясь на свое summum jus, лишенное христіанской любви, и выведенное изъ чисто формальной логики, не остановился передъ этимъ затрудненіемъ, и продолжаетъ созывать псевдо-вселенскіе соборы. Дерево узнается по плодамъ его: постановленія послѣдняго изъ этихъ соборовъ служатъ самымъ рельефнымъ и самымъ положительнымъ осужденіемъ ватиканскаго образа дѣйствія. На основаніи историческаго воззрѣнія православія на вселенскіе соборы, созваніе собора сдѣлалось бы возможнымъ только послѣ присоединенія къ нему западныхъ церквей... Такимъ образомъ верховнымъ авторитетомъ православной церкви фактически является одна духовная связь, которая соединяетъ мѣстныя церкви и которая, безъ всякаго даже временнаго реальнаго органа, руководитъ судьбами православія болѣе тысячи лѣтъ. Исключительное господство этого авторитета продлится вѣроятно еще долго!

Итакъ положеніе православной церкви представляетъ чрезвычайно благопріятныя условія для установленія нормальныхъ отношеній между государствомъ и церковью; этихъ условій мы не находимъ ни въ католической, ни въ протестантскихъ церквахъ. Въ католицизмѣ высшій авторитетъ церкви представляется личностію, пользующеюся правами самостоятельнаго государя и живущею внѣ предѣловъ католическихъ государствъ, ибо даже въ Италіи папа пользуется правомъ экстерриторіаль-

ности. Такимъ образомъ правительства, входящія въ сношенія съ главою католической церкви, входятъ въ сношенія съ иноземнымъ государемъ; всякій договоръ, всякое соглашеніе, заключенное съ нимъ, получаетъ характеръ международнаго обязательства, съ тою только разницею, что папа признаетъ таковой безусловно обязательнымъ для государства, заключившаго договоръ, и только условно обязательнымъ для самого себя. Понятно, какія должны возникать затрудненія изъ одного того обстоятельства, что главное вліяніе и главныя распоряженія по мѣстной церкви принадлежатъ лицу пребывающему внѣ государства, и не связанному никакими интересами съ государствомъ, кромѣ общихъ интересовъ церкви; при этомъ относительно пониманія этихъ интересовъ легко можетъ возникнуть различное воззрѣніе, особенно при тѣхъ тенденціяхъ, которыхъ держится ватиканъ. Въ протестантскихъ государствахъ насъ поражаетъ противоположное явленіе; между церковью и государствомъ устранены всѣ внѣшніе поводы къ какимъ либо столкновеніямъ, но они устранены подчиненіемъ церкви государству, т. е. посредствомъ полной жертвы всякою самостоятельностью церкви. Въ протестантскихъ государствахъ Германіи государямъ присвоено качество сумъэпископа (Summus Episcopus); въ Англіи еще болѣе отношенія государства къ церкви имѣютъ полный характеръ цесаропапизма, если только на мѣсто *Кесаря* поставить слово *парламентъ*. Въ духовномъ отношеніи оба эти понятія (Кесарь и парламентъ) одно и то-же; доказательствомъ этому служитъ то, что безъ разрѣшенія свѣтской государственной власти англиканская церковь не въ правѣ допустить какихъ либо измѣненій не только въ своемъ догматическомъ ученіи, но даже въ мелкихъ подробностяхъ своего ритуала (обрядности). Верховная свѣтская власть страны, т. е. парламентъ и королева являются безусловными владыками англиканской церкви [1]).

Истинная церковь, какою она должна быть по православному ученію, не заключая въ себѣ ни одного изъ этихъ двухъ крайнихъ

---

[1]) Все, что мы сказали объ отношеніяхъ протестантскихъ церквей къ государству, не примѣняется къ различнымъ сектамъ диссидентовъ, число коихъ очень велико въ Англіи. Въ нихъ обособленіе отъ всякаго непосредственнаго вліянія государства проводится до послѣднихъ границъ. Но это возможно только потому, что всѣ эти протестантскія секты являются отдѣльными религіозными обществами, а не церковію, даже въ національно-протестантскомъ ея значеніи; а также и потому, что духовная жизнь многихъ изъ нихъ почти не проявляется во внѣшнихъ обрядностяхъ.

недостатковъ, тѣмъ самымъ дѣлаетъ возможнымъ установленіе нормальныхъ, правильныхъ и пестѣсняющихъ обѣ стороны, отношеній между церковію и государствомъ. Обладая полною самостоятельностію вслѣдствіе экстерриторіальности, внѣземельности, верховнаго авторитета церкви (т. е. вселенскаго собора) относительно каждаго отдѣльнаго государства, церковь не въ состояніи однако нарушить какихъ либо естественныхъ правъ государства, ибо эта внѣземельность такого рода, что она не представляетъ никакой опасности для развитія національной и обрядовой церковной жизни каждой страны и потому не можетъ вызвать столкновеній со свѣтскимъ правительствомъ, остающимся въ своей законной сферѣ дѣятельности, или не можетъ нарушить права послѣдняго по управленію страны, такъ какъ этотъ *верховный авторитетъ* покоится не въ извѣстномъ лицѣ или видимомъ официальномъ органѣ, а въ духовной связи, въ духовномъ единеніи церквей — которое, какъ показала исторія, оказывается всемогущимъ для охраны чистоты основнаго христіанскаго догмата, но безсильнымъ въ смыслѣ нарушенія какихъ либо естественныхъ и справедливыхъ правъ данной страны.

Во всѣхъ этихъ условіяхъ дано такимъ образомъ твердое и разумное основаніе для установленія и для развитія нормальныхъ отношеній между государствомъ и церковію, основанія котораго мы не находимъ ни въ католицизмѣ, ни въ протестантизмѣ.

Послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ общихъ соображеній мы можемъ перейти къ обсужденію существующаго у насъ порядка вещей.

IV.

Въ какой же мѣрѣ православная Россія воспользовалась всѣми этими благопріятными условіями для практическаго разрѣшенія у себя вопроса объ отношеніяхъ церкви къ государству?

Это вопросъ, на который и въ Европѣ, мало знакомой съ нашею жизнію, и въ самой Россіи, высказываются довольно противуположныя воззрѣнія.

Западная Европа, мало знакомая, какъ мы уже замѣтили, съ существомъ православнаго ученія и съ духомъ христіанской жизни, судитъ какъ о самомъ ученіи православія, такъ и объ обусло-

вливаемыхъ послѣднимъ отношеніяхъ между государствомъ и церковію почти исключительно по тѣмъ явленіямъ, которыя выступаютъ на поверхности жизни въ православныхъ государствахъ и преимущественно въ Россіи. Положеніе православной церкви въ странахъ, находящихся подъ мусульманскимъ правленіемъ, совершенно исключительное и, конечно, не можетъ служить нормою при обсужденіи отношеній христіанскаго государства къ христіанской церкви. Положеніе дѣлъ въ Греціи и въ Придунайскихъ княжествахъ еще менѣе извѣстно Европѣ; за тѣмъ остается Россія, — одна Россія. На начало, осуществляющееся въ церковной жизни Россіи, западная Европа привыкла смотрѣть какъ на начало цесаропапизма. Судя по внѣшней жизни церкви и останавливаясь на существующемъ у насъ въ этомъ отношеніи Statu quo, Европа приходитъ къ заключенію, что то, что̀ существуетъ въ Россіи, т. е. въ главной православной странѣ, должно считаться нормой церковной жизни въ православныхъ государствахъ и что потому цесаропапизмъ, который она у насъ предполагаетъ, служитъ естественнымъ выраженіемъ правильныхъ отношеній церкви къ государству.

Совершенно съ другой точки зрѣнія, столь же неосновательной, смотрятъ на положеніе дѣла многіе изъ нашихъ соотечественниковъ. Вѣруя, что въ идеальномъ православномъ догматѣ христіанская идея высказывается въ полной чистотѣ и неповрежденности, они вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому полагаютъ, что любовь и уваженіе къ отечественной церкви налагаютъ на нихъ нравственную обязанность закрывать глаза предъ тѣми несовершенствами и недостатками, которые проявляются при осуществленіи идеальнаго догмата въ реальной жизни нашей мѣстной церкви и такимъ образомъ приходятъ къ слѣдующему опасному заключенію: если православный догматъ представляетъ совершенство по чистотѣ и возвышенности христіанскаго ученія и если общество, государство и церковь исповѣдуютъ у насъ этотъ догматъ, то изъ этого слѣдуетъ, что то, что̀ въ дѣйствительности существуетъ у насъ въ жизни мѣстной церкви, и въ ея отношеніяхъ къ государству тоже совершенно. Можетъ быть, для большей ясности, мы выставили здѣсь эту аргументацію слишкомъ рельефно, слишкомъ абсолютно, но во всякомъ случаѣ она представляетъ много аналогій съ результатами той аргументаціи, которая высказывается у нѣкоторыхъ свѣтскихъ защитниковъ положенія, занимаемаго мѣстною церковью въ государствѣ. Подобное

направленіе мыслей мы считаемъ однако весьма вреднымъ по многимъ отношеніямъ. Оно, во-первыхъ, содѣйствуетъ подрыву уваженія къ православному ученію внѣ православнаго общества и тѣмъ самымъ служитъ естественнымъ препятствіемъ къ распространенію православія. Очевидно, что если извѣстныя, дѣйствительно существующія несовершенства церковной жизни нашего православнаго общества не замѣчаются подобными ревнителями православія, то люди, стоящіе внѣ послѣдняго, должны приходить къ убѣжденію, что всѣ эти несовершенства составляютъ неотъемлемую часть православнаго ученія и православной жизни. Во-вторыхъ, закрывая глаза предъ существующими недостатками, люди, разсуждающіе такимъ образомъ, не только не могутъ споспѣшествовать, но даже непосредственно мѣшаютъ устраненію этихъ недостатковъ и улучшенію существующаго порядка вещей. Можно ли сомнѣваться, что, отождествляя идеальное ученіе съ реальнымъ проявленіемъ его въ жизни, они служатъ плохую службу церкви и обществу, которымъ они преданы. Уваженіе, съ которымъ человѣкъ преданъ извѣстной идеѣ и извѣстному учрежденію, въ которомъ эта идея выражается, должно прежде всего высказываться въ отношеніи къ нимъ съ полною истиною. При томъ успѣшное стремленіе къ извѣстной возвышенной цѣли возможно только при ясномъ сознаніи не только величія самой цѣли, но и несовершенствъ исходной точки даннаго момента.

Печальная практика нашей жизни наложила однако неотрадный отпечатокъ на весь нашъ духовный бытъ, и потому опредѣленіе правильной средины между указанными двумя противуположными воззрѣніями является дѣломъ не легкимъ.

Сужденіе Европы несправедливо въ томъ смыслѣ, что государство ни въ лицѣ своего верховнаго представителя, ни въ лицѣ своей администраціи не можетъ регулировать и не регулируетъ дѣйствительно *догматическихъ вопросовъ вѣры*, а въ этомъ главная сущность дѣла.

Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться въ томъ, что какъ самая редакція нашего закона, такъ и недостаточность свободной независимой отъ государственной регламентаціи жизни нашей церкви, можетъ давать поводъ къ подобному ошибочному воззрѣнію.

Какъ извѣстно, въ 42 ст. I т. Св. Зак. сказано:

„Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный за-

щитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія".

Примѣчаніе. „Въ семъ смыслѣ Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи престола 1797 г. Апр. 5, именуется *„Главою Церкви"*.

Не касаемся собственно словъ: *„Глава Церкви"* (хотя и могущихъ дать поводъ къ весьма существеннымъ недоразумѣніямъ); эти слова, по самой редакціи примѣчанія, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *Охранителя Церкви*. Нельзя однако не замѣтить, что было бы весьма желательно, чтобы въ текстѣ закона было сдѣлано болѣе точное изложеніе этого начала, и чтобы болѣе правильное и ясное понятіе *охраны церкви* замѣнило собою неопредѣленное и невѣрное понятіе: *защиты* и *охраны догматовъ*. Дѣло слѣдуетъ кажется понимать такимъ образомъ: *хранителемъ* христіанскаго догмата является *вселенская церковь*, а *охранителемъ* мѣстной церкви *глава государства;* если же подобное опредѣленіе признать правильнымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что редакція ст. 42-й не совсѣмъ правильно выражаетъ эту мысль, и не соотвѣтствуетъ даже тому, что проявляется въ нашей дѣйствительной жизни. Какъ уже весьма справедливо замѣтилъ о. Горчаковъ, въ своей критической статьѣ на „письмо профессора Трейчке" (во II т. Сб. Г. З.), въ формѣ редакціи 42 статьи нельзя не видѣть отблеска протестантскихъ воззрѣній, выраженныхъ въ ученіи о *сум-епископатѣ*. Въ словахъ: *блюститель правовѣрія* такъ и слышится отраженіе понятія *„Schirmherr der Reinheit der Lehre"*, выработаннаго отношеніями протестантской церкви къ государству.

Отсутствіе свободной, независимой отъ государственной регламентаціи, жизни нашей церкви не подлежитъ сомнѣнію. Можно ли отрицать, что всѣ внѣшнія проявленія религіозной жизни общества поставлены у насъ въ тѣсную зависимость отъ административныхъ властей, что вся внѣшняя организація церкви носитъ болѣе характеръ административнаго учрежденія, вѣдомства въ ряду другихъ вѣдомствъ, чѣмъ самостоятельной мѣстной церкви, находящейся въ живой органической связи со всѣми своими членами какъ духовными, такъ и мірскими.

Если отношенія церкви къ государству нельзя назвать нормальными, то точно также нельзя признать удовлетворительными отношенія церкви къ ея членамъ какъ къ духовенству, такъ и къ мірянамъ.

Относительно духовенства, мы не можемъ не повторить здѣсь общепринятаго мнѣнія, что наша мѣстная церковь нуждается въ

бо̀льшей самостоятельности пастырей пасущихъ паствы, самостоятельности болѣе соотвѣтствующей ихъ достоинству и ихъ призванію. Если въ отношеніяхъ государства къ церкви у насъ проявляется нѣкоторое отраженіе протестантскихъ воззрѣній, то съ другой стороны въ отношеніяхъ церкви къ духовенству высказывается несомнѣнно вліяніе римско-католическихъ тенденцій, которое укоренилось и развилось у насъ, какъ естественное послѣдствіе исключительнаго права монашества на занятіе высшихъ церковныхъ должностей, права, имѣющаго за собою только мѣстную традицію церкви и не согласное по существу ни съ духомъ вселенскаго православнаго ученія, ни съ истинными пользами мѣстной церкви. При исключительномъ господствѣ монашескаго начальства въ церкви, какъ бы возвышено ни было достоинство отдѣльныхъ личностей, исключительно монашеское начало *безусловнаго повиновенія* и преклоненія предъ *личнымъ авторитетомъ духовнаго начальства* сдѣлалось почти общимъ достояніемъ церкви, такъ что пассивное послушаніе признается едва-ли не высшею христіанскою добродѣтелью.....

Можно ли послѣ того удивляться, что отношенія нашей церкви къ мірскимъ ея членамъ выражаются одобреніемъ начала внѣшняго насильственнаго понужденія въ дѣлахъ вѣры; скорѣе слѣдуетъ удивляться тому и благодарить Бога за то, что въ средѣ нашего духовенства еще являются, при такомъ порядкѣ вещей, личности, дерзающія высказывать противуположныя мысли.

Реализмъ конца XVIII в. и второй половины XIX в. не могъ не отозваться у насъ какъ на отношеніяхъ государства къ церкви, такъ и на всей внутренней и духовной жизни нашей церкви и нашего общества. Все реальное и все формальное получило несоразмѣрно обширное развитіе, подавляя все болѣе и болѣе искренность и правду духовной жизни. Можно сказать, не ошибаясь, что въ теченіе почти цѣлаго столѣтія духовная жизнь нашей мѣстной церкви и нашего общества шла назадъ, а не впередъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того сила христіанской идеи и ея воздѣйствіе на общество должны были идти отрицательнымъ путемъ, все болѣе уступая мѣсто ветхозавѣтному формализму. Можно ли послѣ того удивляться, что параллельно съ этимъ должны были расти невѣріе и отрицаніе. Если же это несомнѣнно, то пора наконецъ поставить духъ выше формы.

Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что всѣ части этого общаго вопроса: какъ относительно отношеній государства къ

церкви, такъ и относительно отношеній церкви къ ея членамъ, вполнѣ солидарны между собою. Ошибочно было бы полагать, что мѣстная церковь можетъ, съ пользою для христіанскаго дѣла, получить освобожденіе отъ регламентативнаго вмѣшательства государства, сохраняя свои іерократическія воззрѣнія и право внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ въ дѣлахъ вѣры надъ своими членами. Духъ и вѣра могутъ восторжествовать надъ реализмомъ только одновременно въ обѣихъ областяхъ, т. е. въ отношеніяхъ государства къ церкви и церкви къ ея членамъ; въ противномъ случаѣ сущность дѣла останется прежнею, какъ бы ни измѣнялись внѣшніе порядки.

Если вѣрить въ силу христіанскаго начала, то не слѣдуетъ не довѣрять свободѣ самостоятельнаго, естественнаго развитія христіанской жизни; не слѣдуетъ подавлять этой свободы ни административнымъ вмѣшательствомъ, ни гражданско-карательнымъ насиліемъ. Религіозная духовная жизнь можетъ свободно возноситься къ Богу и возносить съ собою духъ народа только тогда, когда она не стѣсняется упряжкой реализма гражданской регламентаціи и внѣшняго насилія.

Всѣ отношенія государства къ церкви могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ главнымъ вопросамъ:

1) объ условіяхъ внутренней организаціи и управленія мѣстной церкви и ея отношеніяхъ къ государственному управленію,

2) о религіозномъ воспитаніи, и

3) спеціально о свободѣ совѣсти или о вѣротерпимости.

Мы должны ограничиться, по вопросу объ условіяхъ организаціи и управленіи мѣстной церкви, вышеизложенными общими соображеніями. Болѣе подробное опредѣленіе этихъ условій повело бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ всякія дальнѣйшія подробности не внесли бы ничего новаго, а могли бы только служить дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя выставлены нами, при чемъ нашъ трудъ вдался бы въ монографическое изслѣдованіе церковнаго управленія въ Россіи, выходящее изъ границъ нашей задачи.

Второй вопросъ, о *воспитаніи*, представляется вопросомъ о той общей почвѣ, на которой сочетаніе государственной и церковной дѣятельности является наиболѣе естественнымъ и на которой взаимнодѣйствіе этихъ двухъ, взаимно зависящихъ другъ отъ друга при всей самостоятельности каждаго, организмовъ должно принести наиболѣе пользы. Въ дѣлѣ воспитанія и госу-

дарство и церковь дѣйствуютъ однообразнымъ духовнымъ орудіемъ. Вопросъ объ обязательности воспитанія дѣтей нисколько не затрогиваетъ ни духовнаго характера этой дѣятельности, ни началъ вѣротерпимости. Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь всѣмъ давно извѣстные доводы, на которыхъ опирается начало обязательности первоначальнаго образованія. Важнаго рода соображенія оставляютъ за государствомъ неоспоримое право заботиться о христіанскомъ религіозномъ образованіи своихъ подданныхъ и примѣнять обязательность къ религіозному обученію юношества. Такъ какъ вся цивилизація и все благосостояніе государства находятся въ зависимости отъ господства въ немъ христіанскихъ началъ, то государство не можетъ не признавать большимъ благомъ для общества развитія истинныхъ религіозныхъ убѣжденій. Это величайшее сокровище жизни достижимо только на пути свободнаго убѣжденія; но для того, чтобы убѣжденіе дѣйствительно было своб дным, необходимо, чтобы люди были ознакомлены съ тѣми религіозными началами, которыя впослѣдствіи имъ придется или усвоить себѣ окончательно, или покинуть. Вотъ почему государство вправѣ требовать обязательнаго христіанско-религіознаго обученія юношества, при чемъ подобное обученіе неизбѣжно должно имѣть нѣсколько конфессіональный характеръ, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ обучающійся, наравнѣ съ общими христіанскими началами, ознакомился бы и съ главными началами, составляющими отличительную черту его церкви.

Если на западѣ возникъ въ послѣднее время вопросъ объ отдѣленіи школы отъ церкви, то онъ имѣетъ тамъ мѣстный историческій характеръ; онъ являлся естественной реакціей противъ стремленій католическаго духовенства, обучавшаго въ школахъ, — стремленій, направленныхъ къ тому, чтобъ вселять духъ недовѣрія къ правительству и нетерпимости къ личностямъ другихъ вѣроисповѣданій, развивая въ дѣтяхъ такимъ образомъ съ самаго ранняго возраста духъ самаго слѣпаго фанатизма.

У насъ подобный вопросъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, ибо у насъ подобное положеніе дѣла немыслимо. Частные вопросы о томъ, слѣдуетъ ли поручать духовнымъ или свѣтскимъ лицамъ обученіе Закону Божію въ школахъ, будутъ разрѣшаться въ каждомъ данномъ случаѣ на основаніи того, на сколько данное лице подготовлено къ таковому обученію, на сколько оно пользуется необходимою для педагогическихъ занятій свободой времени. Нельзя по этому случаю не высказать, что

весьма желательно, чтобы всякіе подобные вопросы рѣшались у насъ внѣ всякой тенденціозности.

Обращаясь теперь къ вопросу о *вѣротерпимости*, мы должны прежде всего замѣтить, что, какъ оказывается изъ всего вышеизложеннаго, начало вѣротерпимости не исключаетъ понятія о томъ, что христіанское государство можетъ и должно заботиться объ укорененіи и развитіи христіанскаго сознанія (а въ православныхъ государствахъ спеціально православнаго) и христіанскаго чувства въ странѣ. При господствѣ полной вѣротерпимости въ странѣ, законы государства могутъ быть проникнуты истиннымъ христіанскимъ духомъ; даже болѣе, слѣдуетъ считать несомнѣннымъ зломъ для страны, когда направленіе ея законодательства отстраняется отъ христіанскаго духа.

Вопросъ о степени вѣротерпимости, признаваемой законами данной страны, можетъ быть разсматриваемъ по отношенію къ обществамъ и по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Подъ именемъ религіозныхъ обществъ, мы разумѣемъ какъ вообще иновѣрческія церкви, такъ и спеціально общины: монастырскія и монашествующія.

Вѣротерпимость по отношенію къ индивидуумамъ опять распадается на два вопроса: на вопросъ объ отношеніяхъ государства къ прозелитизму, т. е. къ такъ называемымъ подстрекателямъ, и на вопросъ о правѣ отдѣльныхъ лицъ къ переходу изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

Наконецъ, въ нѣкоторой связи съ вѣротерпимостію стоятъ и постановленія закона, охраняющія внѣшнее проявленіе религіозныхъ дѣйствій, т. е. полицейская охрана.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ пяти вопросовъ отдѣльно.

V.

Отношенія государства къ различнымъ *вѣроисповѣданіямъ* опредѣляются у насъ статьями 40, 44 и 45 I-го т. Св. Зак. Первая изъ этихъ статей постановляетъ, что „первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія.“ Содержаніе же остальныхъ двухъ статей слѣдующее: „Всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные россійскаго государства, природные и въ

подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ русской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной. Свобода вѣры присволяется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и Евреямъ, Магометанамъ и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго, разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благодеятствія и укрѣпленіи силы Имперіи."

Къ этимъ статьямъ Свода Зак. слѣдуетъ присовокупить, что въ ст. 60 Св. Уставовъ о пред. о пресѣч. преступл. сказано: „Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ" и далѣе въ ст. 90 того же Св. Уставовъ: „Раскольниковъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, отсылать къ суду для поступленія съ ними на основаніи ст. 203 Улож. о Наказ.".

Такимъ образомъ можно сказать, что всѣ вѣроисповѣданія, даже расколъ, за исключеніемъ крайнихъ сектъ его, сопряженныхъ съ посягательствомъ на жизнь и личность людей, — пользуются полною вѣротерпимостію.

Но эта вѣротерпимость относится только до лицъ, *рожденныхъ* въ извѣстномъ вѣроисповѣданіи; всѣмъ разрѣшается, какъ сказано въ ст. 45, „славить Бога Всемогущаго, по закону и исповѣданію *праотцевъ своихъ*". Такимъ образомъ всѣ вѣроисповѣданія поставлены въ извѣстныя рамки, причемъ перемѣщеніе изъ одной въ другую не допускается, а съ тѣмъ вмѣстѣ не допускается и личная самостоятельность религіознаго убѣжденія; каждый долженъ „славить Бога по закону праотцевъ." Исключеніе въ этомъ отношеніи, хотя и обставленное разными ограниченіями, допускается только въ пользу православія.

Статья 97 Уст. о прес. и предупр. преступленій гласитъ: „Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать принадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Но сія вѣра порождается благодатію Господнею, ученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами. Почему господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ

нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣдя евангельской."

Золотыя мысли, изложенныя во второй половинѣ статьи, такъ и просятся на обобщеніе; „если не принуждаете приступать," готовъ сказать всякій просвѣщенный читатель приведенныхъ словъ, „то зачѣмъ принуждаете не выходить." Не было ли бы послѣдовательнѣе провести это начало до конца; спросилъ же Господь учениковъ своихъ: „не хотите ли и вы отойти?"

Но первая половина приведенной статьи гласитъ прямо противуположное второй половинѣ, и за тѣмъ она дополняется и поясняется еще цѣлымъ рядомъ другихъ статей. Запрещается заводить или распространять между православными какія либо ереси (ст. 72 Уст.), запрещается раскольникамъ совращать и склонять кого либо въ расколъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было (ст. 60). Римско-католическому духовенству запрещается дѣлать православнымъ внушенія, до религіи касающіяся (ст. 107). Евангелическо-лютеранскіе проповѣдники должны отклонять искаціе тѣхъ, кои, принадлежа къ другому, равно покровительствуемому въ государствѣ исповѣданію, будутъ просить о наставленіи ихъ въ догматахъ вѣры ев.-лютеранской, а тѣмъ болѣе о принятіи ихъ въ нѣдра ев.-лютеранской церкви (ст. 109) и т. д.

Послѣдняя статья прямо указываетъ, что иновѣрческія исповѣданія не только не могутъ принимать въ свою среду православныхъ, но даже и лицъ всякаго другаго вѣроисповѣданія; такимъ образомъ воспрещается вообще переходъ изъ одной вѣры въ другую, кромѣ православія, какъ это прямо и высказано въ ст. 97. То же начало подтверждается статьею 195 Улож. о Наказ., на основаніи которой духовные иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, за принятіе, безъ особаго на каждый случай разрѣшенія, кого либо изъ иновѣрныхъ россійскихъ подданныхъ въ свое вѣроисповѣданіе, подвергаются выговору, а въ случаѣ повторенія — временному удаленію отъ должности и даже лишенію сана. Нерасположеніе нашего законодательства ко всякаго рода прозелитизму такъ велико, что даже дѣйствія, клонящіяся къ обращенію въ православіе, обставлены, какъ мы уже замѣтили, разными ограниченіями. Такъ ст. 98 Устава о пред. и прес. преступл. гласитъ: „никто безъ вѣдома и благословенія епархіальнаго архіерея проповѣдывать иновѣрнымъ православія да не дерзаетъ." Можно предположить, что эта статья обусловлена тѣмъ соображеніемъ, что миссіонерская дѣятельность требуетъ нѣкоторой под-

готовки и нѣкоторыхъ для себя условій и что поэтому епархіальному начальству предоставляется судить о томъ: способно ли лицо желающее обречь себя на миссіонерскую дѣятельность. Но выраженная въ столь абсолютной формѣ, эта статья лишаетъ члена православной церкви возможности воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, который ему можетъ представиться, для того чтобы путемъ разъясненія иновѣрнымъ ученія своей церкви предрасположить ихъ ко вступленію въ нее; между тѣмъ распространеніе ученія христіанскаго, хотя и безъ притязанія на пастырство и учительство, всегда въ церкви считалось долгомъ вѣры и любви каждаго ея члена.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ законамъ, касающимся отношеній государства къ существующимъ въ государствѣ вѣроисповѣданіямъ, намъ остается указать еще на одно новѣйшее законодательное распоряженіе правительства о раскольникахъ.

Мы видѣли, что ст. 60 Уст. о пред. и прес. преступл., постановляя, что раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, тѣмъ самымъ какъ бы выражала вѣротерпимость относительно раскола. Но съ этимъ находился въ прямой противуположности цѣлый рядъ статей, лишавшихъ раскольниковъ всякой возможности удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ по обрядамъ ихъ вѣры. Такъ ст. 62 запрещаетъ строить или возобновлять что либо похожее на церкви, ст. 65 запрещаетъ печатать и продавать раскольничьи богослужебныя книги, ст. 68 воспрещаетъ остающимся у раскольниковъ попамъ переходить для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ; наконецъ ст. 77 строжайше запрещаетъ всякое внѣшнее оказательство ереси со стороны послѣдователей ея, значитъ всѣ внѣшнія проявленія вѣры, которыя даже не противны ни нравственности, ни гражданскому порядку; а по истолкованію указомъ 29 Іюля 1825 г. *внѣшнимъ оказательствомъ* ереси уразумѣются даже собранія изъ разныхъ домовъ въ одинъ для моленій (см. примѣч. къ ст. 77). Такимъ образомъ даже общая молитва въ частныхъ домахъ воспрещается. Изо всего этого слѣдуетъ, что тѣ-же самые послѣдователи вѣроученія, которые по одному закону не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, рядомъ другихъ законовъ ставятся въ совершенно безвыходное положеніе, ибо они или должны отказаться отъ всякихъ удовлетвореній своимъ религіознымъ потребностямъ, даже отъ общей молитвы въ частныхъ домахъ, или нарушить законъ; другаго выхода имъ не остается.

Въ такомъ положеніи Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта отъ 19 Апрѣля 1874 г. о метрической записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ является весьма важнымъ событіемъ и весьма рѣшительнымъ шагомъ къ совершенно новому въ нашемъ законодательствѣ воззрѣнію на отношенія государства къ расколу.

Признавая раскольничій бракъ и давая удовлетвореніе потребностямъ гражданской жизни раскольниковъ, законъ очевидно не можетъ уже лишать ихъ возможности удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ и поэтому неизбѣжно долженъ повлечь за собою отмѣну или видоизмѣненія вышеприведенныхъ статей 62, 65, 68, 77 и нѣк: др.

Затѣмъ вышеуказанное мнѣніе Госуд. Сов. вводитъ въ наше законодательство совершенно новую терминологію „непризнанныхъ, но терпимыхъ вѣроисповѣданій“; эта система отношеній государства къ неправославнымъ исповѣданіямъ, хотя и примѣнялась уже отчасти въ административномъ порядкѣ, но никогда до сихъ поръ закономъ признаваема не была. Заключеніе это вытекаетъ изъ слѣдующаго дальнѣйшаго правительственнаго распоряженія. Въ 1876 г. постановленіемъ Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о раскольникахъ, по случаю просьбы послѣднихъ, признано возможнымъ въ вышеприведенныхъ правилахъ о метрической записи 19 Августа 1874 г. слово *„раскольники“* замѣнить словами: „не принадлежащіе ни къ православію, ни къ другимъ признаннымъ въ имперіи вѣроисповѣданіямъ“.

Такимъ образомъ въ нашей официально законодательной терминологіи въ настоящее время оказываются три категоріи вѣроисповѣданій: 1) признанныя, 2) непризнанныя, но терпимыя и 3) преслѣдуемыя (по причинѣ безнравственнаго своего характера) [1]).

Подобная комбинація, выработавшаяся у насъ самою жизнію, имѣетъ полное право на дальнѣйшее систематическое развитіе, если допустить, что законодательство должно слѣдить за жизнію, примѣняясь благоразумно къ ея естественнымъ историческимъ потребностямъ.

Въ государствахъ, въ коихъ образованіе всякихъ обществъ объусловлено правительственнымъ разрѣшеніемъ, и *религіозныя*

---

[1]) Сверхъ этого (или же въ числѣ первой изъ этихъ категорій) есть еще одна категорія, — *покровительствуемыхъ* вѣроисповѣданій (таковы римско-католическое, лютеранское и отчасти мусульманское), получающія денежныя пособія изъ казны. *Ред.*

общины не могутъ быть изъяты отъ соблюденія этого условія, по той простой причинѣ, что иначе подъ именемъ религіозныхъ общинъ могли бы учреждаться общества, преслѣдующія совершенно другія цѣли,—такія, которыя, по характеру дѣйствительнаго предмета своей дѣятельности не могутъ надѣяться на полученіе правительственнаго разрѣшенія.

По характеру своей организаціи и по цѣли, преслѣдуемой ими, религіозныя общины могутъ быть подраздѣлены на двѣ различныя категоріи: Во-первыхъ, отдѣльныя религіозныя общины и во-вторыхъ болѣе или менѣе обширныя организаціи, включающія въ свой составъ нѣкоторое число мѣстныхъ ихъ органовъ (ордена).

Относительно первыхъ интересы государства могутъ быть непосредственно затрогиваемы только вопросомъ о способѣ пріобрѣтенія и способѣ употребленія имущества, пріобрѣтеннаго подобными общинами. Средствомъ полученія вещественныхъ средствъ служатъ для нихъ государственныя вспомоществованія и пожертвованія частныхъ лицъ. Такія пожертвованія дѣлаются, разумѣется, въ надеждѣ, что пожертвованное общинѣ имущество будетъ употреблено съ пользою для дѣла религіи. Но жертвователи большею частію не въ состояніи слѣдить лично за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли въ дѣйствительности употребленіе пожертвованнаго имущества предположенной цѣли, тѣмъ болѣе, что часто подобныя пожертвованія происходятъ въ предсмертный моментъ и по духовному завѣщанію; наконецъ нельзя не принять въ соображеніе, что даже если бы жертвовали и замѣтили впослѣдствіи какое либо уклоненіе отъ цѣли, имѣвшейся въ виду при пожертвованіи, они сами бываютъ не въ состояніи принимать какія либо мѣры для возстановленія порядка въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе всего вышензложеннаго государство является какъ бы естественнымъ представителемъ всѣхъ жертвователей и пріобрѣтаетъ не только права, но и прямую обязанность слѣдить за способомъ употребленія религіозными общинами пожертвованныхъ имъ имуществъ (разумѣется только съ гражданской или свѣтской точки зрѣнія).

Совершенно другаго рода вопросы выдвигаются впередъ по отношенію къ монашескимъ орденамъ, имѣющимъ не только вполнѣ самостоятельную, но часто даже совершенно независимую отъ церкви организацію (напр. іезуиты). Подобные ордена, существующіе почти исключительно въ католической церкви, являются та-

кимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ status in statu. Практическая цѣль дѣятельности орденовъ большею частію заключается не столько въ содѣйствіи развитію христіанскаго духа и христіанскихъ началъ въ мірѣ, сколько преимущественно въ стремленіи споспѣшествовать усиленію авторитета папы, съ той совершенно послѣдовательной точки зрѣнія, что католичество видитъ въ авторитетѣ Намѣстника Христова главное основаніе и краеугольный камень всей христіанской жизни. Въ такихъ условіяхъ государство принуждено дѣйствовать чрезвычайно осмотрительно при разрѣшеніи подобныхъ орденскихъ учрежденій; вопросъ же о вѣротерпимости при этомъ большею частію совершенно не затрогивается, такъ какъ государство въ своихъ отношеніяхъ къ монашествующимъ орденамъ и общинамъ ведетъ дѣло съ реальной организаціей, имѣющей конкретную задачу; между тѣмъ какъ церкви и религіозныя общества имѣютъ преимущественно духовную цѣль, и хотя послѣдняя и должна имѣть результаты для практической жизни, самая организація, которою обладаютъ церкви, бываетъ направлена преимущественно на внутреннюю духовную жизнь общества и не обусловливается какими либо спеціальными цѣлями.

Наше общее законодательство не касается ни одного изъ этихъ двухъ вопросовъ; и это пробѣлъ, который при тѣхъ или другихъ явленіяхъ жизни можетъ сдѣлаться очень чувствительнымъ.

Условія существованія монашествующихъ общинъ регулируются спеціальными уставами, а католическіе монашествующіе ордена воспрещены въ Россіи.

Вопросъ о *совратителяхъ* чрезвычайно трудно укладывается въ рамку логической аргументаціи. Въ религіозной сферѣ логически возможно преслѣдованіе совратителей только при постановкѣ вопроса на абсолютно теократическую точку зрѣнія. Совратителей въ ереси или иновѣріе могли преслѣдовать ветхозавѣтные іудеи; совратителей можетъ преслѣдовать и католическая церковь, потому что она вообще не допускаетъ мысли, чтобы государство могло разрѣшить въ католической странѣ существованіе какихъ либо некатолическихъ вѣроисповѣданій. Но въ государствѣ и въ церкви, не признающихъ теократическаго начала въ государственномъ устройствѣ и управленіи, и допускающихъ хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости, всякая мѣра, направленная противъ совратителей въ дѣлахъ религіи, является непослѣдовательною

и логически несостоятельною. Естественное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ мѣры противъ совратителей, дѣйствующихъ посредствомъ насилія, понужденія, преслѣдованія, обмана или какими либо другими безнравственными мѣрами.

При допущеніи въ странѣ вообще публичнаго культа другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ господствующей религіи (тамъ, гдѣ таковая существуетъ), каждый представитель послѣднихъ невольно можетъ обратиться въ совратителя.

Каждый воодушевленный католическій и протестантскій проповѣдникъ можетъ, даже вопреки прямому своему намѣренію, подать поводъ къ совращенію. Его слова, при публичности проповѣди, доступны и православнымъ слушателямъ и потому могутъ возбудить въ послѣднихъ мысли, которыя могутъ привести ихъ къ переходу въ католичество или протестантство. Какъ долженъ поступить напримѣръ представитель иновѣрнаго духовенства, если къ нему обратится православный съ просьбой о разъясненіи спорныхъ вопросовъ, касающихся вѣроисповѣданія. На это 109 ст. Устава о предупр. и пресѣч. преступл. отвѣчаетъ слѣдующее: „Проповѣдники должны отклонять искаше тѣхъ, кои, принадлежа къ другому, равно покровительствуемому въ государствѣ исповѣданію, будутъ просить о наставленіи ихъ въ догматахъ вѣры евангелическо-лютеранской“. Само собою, что тѣмъ паче это правило должно быть примѣняемо относительно „искателей“, принадлежащихъ къ православію. Но, естественно ли, нравственно ли со стороны закона ставить лице, а тѣмъ болѣе духовное, въ такое положеніе, которое не можетъ не быть прямо противуположно его духовнымъ обязанностямъ? Должно-ли иновѣрное духовное лице, съ нравственной точки зрѣнія, преклонясь предъ закономъ государства, отказать вопрошающему въ разъясненіи того, что оно само не можетъ не признавать за непреложную истину, или не должно ли оно напротивъ того, поставляя внутренній законъ своей совѣсти въ такомъ случаѣ выше приказанія закона государства, и слѣдуя словамъ апостоловъ Петра и Іоанна: „судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога?“ не подчиняясь статьѣ 109-й Устава о пред. и прес. преступл., стараться вразумить вопрошающаго въ томъ, что проповѣдникъ по глубокому своему убѣжденію не можетъ не признавать за истину въ христіанскомъ ученіи?

Такимъ образомъ логически послѣдовательно только: или совершенное воспрещеніе въ странѣ всѣхъ непринадлежащихъ къ

государственной церкви вѣроисповѣданій, или непреслѣдованіе совратителей (за исключеніемъ случаевъ насилія, обмана и т. п.). Пропаганда, т. е. стремленіе, обусловливаемое исключительно чистымъ желаніемъ просвѣтить своихъ ближнихъ въ томъ, что человѣкъ считаетъ за истину (хотя бы и ложно понимаемую), не можетъ, пока оно не смѣшано съ посторонними (напр. политическими) цѣлями, быть признано дѣйствіемъ *противунравственнымъ;* если же оно становится дѣйствіемъ *противузаконнымъ,* то только потому, что законъ находится въ такомъ своемъ видѣ въ противурѣчіи съ высшими нравственными требованіями человѣческаго духа.

Къ сожалѣнію наше законодательство еще не стало на эту точку зрѣнія.

Въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ и Уставѣ о пред. и пресѣч. преступленій до сорока статей направлены преимущественно противъ совратителей, угрожая имъ различными гражданскими и уголовными карами за всякое дѣйствіе пропаганды.

Кары эти различнаго рода, смотря по тому, произошли ли совращенія изъ христіанской вѣры въ нехристіанскую, или изъ православія въ иновѣрческую христіанскую, или изъ православія въ ересь, или даже изъ иновѣрческой въ иновѣрческую.

Такъ ст. 184 Улож. о наказ. опредѣляетъ за отвлеченіе изъ всякой христіанской вѣры въ магометанскую, еврейскую или другую нехристіанскую, лишеніе виновнаго всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу. За совращеніе изъ православія въ иную христіанскую вѣру, совратитель (на основ. ст. 187) подвергается также лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ Сибирь. Тому же наказанію подвергаются совратители въ ересь, расколы и секты и заводящіе новыя секты (ст. 196), съ тою только разницею, что ссылкѣ не на житье, а на поселеніе въ Закавказскій край, а совратители въ секты и расколы, признаваемые особенно вредными, — тому же наказанію, но только съ водвореніемъ ихъ на мѣстѣ ссылки отдѣльно отъ другихъ поселенцевъ (197 ст.); за окопленіе же другихъ — ссылкѣ въ каторжныя работы (ст. 201). Во всѣхъ случаяхъ, когда совращеніе соединено съ насиліемъ, наказаніе усиливается. За тѣмъ въ Уставѣ о пред. и прес. прест. содержатся общія статьи, гласящія: кто откроетъ споры, противные православію, на того безъ суда наложить молчаніе, ст. 70 — законъ не опредѣляетъ, какія могутъ быть употреблены средства для наложенія

молчанія; ст. 71 опредѣляетъ: кто православныхъ тайно или явно совратитъ въ расколы, того предавать суду. Относительно совращенія не изъ православія ст. 114 постановляетъ, что иновѣрецъ, совратившій кого либо изъ другихъ россійскихъ подданныхъ въ свою вѣру, къ какой бы вѣрѣ онъ самъ и совращенный имъ ни принадлежали, взимается подъ стражу и отсылается вмѣстѣ съ совращеннымъ къ суду. За тѣмъ ст. 115 содержитъ цѣлый рядъ исключеній, опредѣляющихъ: изъ какихъ нехристіанскихъ въ какія христіанскія и подъ какими условіями могутъ происходить обращенія.

Такъ напр. вообще лютеранину и католику воспрещено обращать махометанъ въ христіанскую религію (нужны ли комментаріи на подобный псевдо-утилитарный реализмъ?).

Но зато, съ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, можно обращать евреевъ въ христіанство, но на основаніи особыхъ правилъ, и только въ случаѣ опасной болѣзни можно принимать обращающагося *безъ разрѣшенія* Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; при этомъ однако не сказано можно-ли или нѣтъ принимать умирающаго еврея въ христіанство и не *по правиламъ особо на сіи случаи постановленнымъ!*

Магометане заграничные могутъ быть приводимы въ христіанскую вѣру всякаго терпимаго исповѣданія.

Въ Кавказскомъ краѣ дозволяется всякому кабардинцу, черкесу и другому магометанину или язычнику принимать вѣроисповѣданія тамошнихъ колонистовъ шотландскихъ и базельскихъ, и т. д. и т. д.

Подобныя статьи служатъ лучшимъ доказательствомъ тому, что внѣшняя охрана церкви государствомъ еще далеко не служитъ ручательствомъ, что всѣ законы государства дѣйствительно пропикнуты христіанскимъ духомъ.

За тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ статей предупредительныхъ и карательныхъ противъ совращенія дѣтей, служителей, крѣпостныхъ и противъ совращенія мужами женъ; другія статьи стремятся предупредить совращеніе путемъ проповѣди, путемъ печатанія религіозныхъ книгъ и т. д. (см. ст. 186, 189, 190, 194, 199, 205, 206 Улож. о наказ. и 49, 50, 65, 89, 105, 106 — 109, 111, 112, 116 и нѣк. др., Уст. о пред. и прес. преступленій).

Подвергаются впрочемъ взысканію не только совратители, но и въ обратномъ смыслѣ лица не воспрепятствовавшія даже

совращенію. Такъ ст. 192 гласитъ: „кто, зная, что жена его или дѣти, или другіе лица, за коими ему предоставлено закономъ наблюденіе и попеченіе, намѣрены отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія и не приметъ никакихъ зависящихъ отъ него по закону мѣръ для воспрепятствованія исполненія онаго, тотъ за сіе приговаривается: къ аресту отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ и сверхъ того, если онъ православный, предается церковному покаянію“.

Окончательно слѣдуетъ еще упомянуть о статьяхъ, которыя дѣлаютъ обязательнымъ, даже для посторонихъ свидѣтелей, донесеніе начальству о совратителяхъ. Такъ ст. 73 Уст. постановляетъ: кто свѣдаетъ о начальникахъ, учредителяхъ или распространителяхъ какой либо ереси, тотъ обязанъ доносить о томъ мѣстному начальству. Ст. 56 Уст. предписываетъ: рожденнымъ и воспитаннымъ въ православной вѣрѣ русскимъ людямъ, живущимъ съ новокрещенными въ однихъ деревняхъ, *наблюдать за поступками новокрещенныхъ*, и если будетъ замѣчено, что кто либо изъ нихъ поступаетъ не такъ, какъ православному надлежитъ и въ церковь не ходитъ, и иновѣрческихъ обычаевъ держится: то таковыхъ въ началѣ увѣщевать, а буде не послушаютъ, тогда объявлять приходскимъ священникамъ, которые поступаютъ съ ними по правиламъ,..... и т. д.

„Ученіе вѣротерпимости принадлежитъ евангелію“ — „православная церковь не знаетъ принужденія“... Эти слова можно найти въ рѣчахъ, проповѣдяхъ и сочиненіяхъ всѣхъ лучшихъ представителей нашей церкви.

Между тѣмъ ст. 47 Улож. о пр. и пр. преступл. объявляетъ прямо, что „какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступить отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую“.

Неисполненіе сего закона влечетъ за собою болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія для виновныхъ, если только послѣднихъ можно такъ называть.

Какъ же сочетать упомянутое начало вѣротерпимости съ такимъ его примѣненіемъ?—На этотъ вопросъ отвѣчаютъ обыкновенно повтореніемъ аргумента, употребленнаго уже Кальвиномъ.

Преслѣдуетъ, говорятъ, не церковь, а государство за дѣло вѣры; церковь употребляетъ только духовное орудіе, а если государство считаетъ для своего порядка необходимымъ употреблять въ та-

кихъ дѣлахъ понудительныя и карательныя мѣры, то это его дѣло. Нужно-ли доказывать полную несостоятельность подобной аргументаціи? Какъ будто вопросъ, въ единствѣ своемъ, измѣняется отъ того, съ которой стороны нарушается вѣротерпимость?

Очевидно, что одного протеста, одного заявленія со стороны органовъ церкви было бы достаточно, чтобы побудить государство отказаться въ своихъ законахъ отъ нарушенія вѣротерпимости. Но этого слова до сихъ поръ высказано еще не было.

Въ западной Европѣ вѣротерпимость почти повсюду была такъ сказать отвоевана невѣріемъ; почти вездѣ государства пришли къ признанію вѣротерпимости противъ настоянія мѣстныхъ церквей или по крайней мѣрѣ не по иниціативѣ послѣднихъ. Неужели православная церковь не сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи доблестнаго исключенія, неужели ея признанные органы не поднимутъ своего голоса противъ нарушеній вѣротерпимости, неужели она предоставитъ разрѣшеніе этого вопроса одному государству не только безъ всякаго содѣйствія съ своей стороны, но почти противупоставляя ему инертную оппозицію?

Возвратимся однако къ нашему законодательству. Ст. 49 Устава о пред. и прес. преступл. опредѣляется, что „кто уклонится въ иную вѣру отъ православія... того отсылать къ суду“.

Какъ же долженъ поступать судъ съ подобнымъ лицемъ? На основаніи Улож. о наказ., судьба отпавшаго отъ православія измѣняется смотря потому, перешелъ-ли онъ въ нехристіанскую вѣру, въ христіанскую иновѣрческую, въ ересь,—а также принадлежалъ-ли онъ или нѣтъ отъ рожденія къ православію.

Въ первомъ случаѣ ст. 185 Улож. о наказ. постановляетъ: „отступившіе отъ христіанской вѣры православнаго или другаго исповѣданія въ вѣру нехристіанскую: отправляются къ духовному начальству прежняго ихъ исповѣданія для увѣщеванія и вразумленія. До возвращенія въ христіанство *они не пользуются правами своего состоянія и на все сіе время имѣніе ихъ берется въ опеку*“.

Въ случаѣ перехода въ иновѣріе ст. 188 Улож. опредѣляетъ: „Отступившіе отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе: отсылаются къ духовному начальству для увѣщеванія, вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ. До возвращенія ихъ въ православіе, принимаются правительствомъ для *охраненія ихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ совращенія указанныя въ законахъ мѣры* (см. Уст. о пред. и

пр. преступл.). *Въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, на все сіе время назначается опека и имъ воспрещается имѣть въ оныхъ жительство*".

А статья 54-я Уст. о пр. и пр. прест. поясняетъ: „Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сообщаетъ свѣдѣнія о семействѣ лица, отступившаго отъ православія, и если окажутся малолѣтнія дѣти, то о мѣрахъ къ охраненію ихъ православія представляетъ на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества установленнымъ порядкомъ".

Относительно совратившихся въ расколъ, мы находимъ спеціальное постановленіе не въ Улож. о наказ., но въ Уставѣ о пред. и прес. прест. ст. 75-я, которая гласитъ:

„Если бы кто изъ православныхъ паче чаянія совратился въ расколъ или ересь, то наблюдать слѣдующее: 1) мѣстные приходскіе священники немедленно приступаютъ къ мѣрамъ наставленія и увѣщаніямъ, которыя, если бы не достигли своей цѣли, повторяются со стороны епархіальнаго начальства *чрезъ тѣхъ же священниковъ* или другихъ духовныхъ лицъ. При безуспѣшности такихъ лицъ, совратившійся вызывается, *по сношенію съ гражданскимъ начальствомъ*, и увѣщевается въ присутствіи духовнаго правленія или консисторіи, и смотря по надобности, лично архіереемъ; 2) убѣдившійся обращается въ общеніе церкви и не подвергается *никакой дальнѣйшей отвѣтственности;* 3) о преслушавшемъ церковь... и если при всѣхъ убѣжденіяхъ со стороны духовенства не придетъ въ раскаяніе съ обращеніемъ къ церкви, *сообщается гражданскому начальству...*"

Разумѣется все это касается только совратившихся въ ереси, признаваемыя не особенно вредными, обратившіеся же въ ереси, *признаваемыя особенно вредными*, подлежатъ наравнѣ съ другими пребывающими въ подобныхъ ересяхъ на основ. ст. 97 Уст. о пр. и пр. пр. и ст. 203 и 197 Улож. о наказ. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ.

Наконецъ о возвратившихся въ расколъ упоминаетъ ст. 204 Улож. о наказ.: „если послѣдователь ереси или раскола, обратившійся въ православную вѣру и, вслѣдствіе того, возвращенный изъ мѣста ссылки, снова возвращается въ ересь или расколъ, тб онъ подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе безвозвратно за Кавказъ или въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, на основаніи постановленій ст. 186 и 197 сего Улож." (ст. 207). Вся эта статья грѣшитъ даже въ

формальномъ отношеніи большою неясностію и неопредѣленностію, она ссылается на ст. 197 и 198, т. е. о совратителяхъ и о послѣдователяхъ сектъ наиболѣе вредныхъ, между тѣмъ она не разъясняетъ, слѣдуетъ-ли прилагать назначаемую ею кару только въ случаѣ вторичнаго совращенія въ подобную, т. е. признаваемую особенно вредною, ересь, или и всякую другую — въ этомъ послѣднемъ случаѣ она находилась бы въ противоположности съ ст. 60 Уст. о пр. и прес. прест., опредѣляющею, что раскольники не преслѣдуются за мнѣніе ихъ о вѣрѣ; затѣмъ она ссылается на ст. 207 Улож. о наказ., въ которой просто сказано: „новообращенные въ православную вѣру, которые, не исполняя уставовъ церкви, будутъ придерживаться какихъ либо иновѣрческихъ обычаевъ: отсылаются къ духовному начальству, для вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ“.

Сопоставляя всѣ вышеприведенныя статьи, мы видимъ, такимъ образомъ, что прямо карательныя мѣры предписаны только относительно отпавшихъ изъ христіанства въ нехристіанскую вѣру (лишеніе правъ состоянія) и относительно рецидивистовъ. Относительно всѣхъ остальныхъ предписаны только мѣры такъ называемыя охранительныя и предупредительныя, какъ-то: отобраніе имѣнія въ опеку, лишеніе права заботиться о собственныхъ дѣтяхъ и др. Всѣ эти, хотя бы и не прямо карательныя мѣры, получаютъ однако въ дѣйствительности въ высшей степени карающее или притѣснительное значеніе.

Не входя здѣсь въ дальнѣйшее обсужденіе значенія всѣхъ подобныхъ карательныхъ мѣръ и мѣръ понужденія, о которыхъ мы достаточно ясно высказались въ общей части нашей статьи, мы остановимся здѣсь только на обсужденіи одного момента разсматриваемаго законодательства, о которомъ мы еще не говорили.

Во всѣхъ статьяхъ, относящихся до совращенныхъ, на первомъ планѣ выставлена мѣра увѣщеванія и наставленія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что церковь, заботящаяся о духовномъ благѣ своихъ дѣтей, должна стараться путемъ увещеванія и назиданія предохранять ихъ отъ совращенія въ ересь или всякое иновѣріе. Это естественная область дѣйствія, это естественная обязанность церкви. Чѣмъ меньше въ данной странѣ развито образованіе и знакомство съ ученіемъ господствующей церкви, чѣмъ слабѣе средства церкви, необходимыя для дарованія всѣмъ

жителямъ страны удовлетворительнаго религіознаго обученія,— тѣмъ важнѣе становится значеніе вышеозначенной стороны дѣятельности церкви. Какой процентъ изъ всѣхъ тѣхъ сыновъ народа и православной церкви, которые переходятъ въ ереси и расколы, можетъ считаться посвященнымъ въ ученіе этой церкви? Многимъ-ли изъ нихъ приходилось въ жизни видѣть все истинное проявленіе православно-духовной жизни? Непонимая содержанія православнаго ученія, отталкиваемые отъ него часто внѣшнимъ формализмомъ и между прочимъ требоисправительнымъ характеромъ священнодѣйствія, въ томъ видѣ, какъ оно, по самой силѣ вещей, въ настоящее время къ несчастію слишкомъ часто проявляется, они оставляютъ большею частію православіе только потому, что оно, въ мѣстномъ и временномъ своемъ проявленіи, несоотвѣтствуетъ потребностямъ ихъ духовной жизни, такъ какъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ ученія церкви, которую они покидаютъ, они совершенно незнакомы. При неимѣніи еще средствъ для удовлетворительнаго религіознаго воспитанія всего народа, нужно преимущественно заботиться о снабженіи духовною пищею наиболѣе алчущихъ таковой; но какъ ихъ найти? На этотъ вопросъ сама жизнь даетъ отвѣтъ, указывая прямо церкви, куда ей слѣдуетъ обратить самыя глубокія, самыя интелигентныя и самыя живыя свои силы. Каждый самостоятельный переходъ въ другое вѣроисповѣданіе (т. е. не обусловленный ни страхомъ, ни корыстолюбіемъ) указываетъ на горячую духовную жизнь, на ищущій умъ, часто искаженный, ложно направленный, но на умъ преданный исканію истины, и вмѣстѣ съ тѣмъ на сердце, жаждущее теплоты духовной, однимъ словомъ, въ расколъ часто совращаются лучшіе сыны церкви. [1]) Если же въ такихъ лицахъ

[1]) Здѣсь, разумѣется, не можетъ быть рѣчи объ отпаденіи новообращенныхъ, которое происходитъ обыкновенно вслѣдствіе совершенно внѣшняго, формальнаго пріобщенія ихъ къ православію, — безъ достаточнаго предварительнаго просвѣщенія въ ученіи православія, однимъ словомъ, вслѣдствіе обращенія, не повлекшаго за собою никакого внутренняго перерожденія новообращенныхъ. По поводу этого мы считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о прискорбномъ фактѣ, обращающемъ въ настоящее время на себя всеобщее вниманіе духовной литературы, а именно о значительномъ распространеніи возвращенія въ мухаммеданство крещеныхъ инородцевъ особенно въ Приволжьѣ и Казанской губерніи. По сообщаемымъ свѣдѣніямъ это движеніе сопровождается чрезвычайнымъ фанатизмомъ и даже насиліями; отступники грозятъ въ одномъ мѣстѣ сжечь дома церковные и самый приходскій храмъ, забираютъ дѣтей изъ христіанскихъ школъ и т. д. Какъ ни печально подобное движеніе и какъ оно въ дѣйствительности ни заслуживаетъ особеннаго вниманія, но въ немъ нельзя не видѣть заслуженной кары за наши же грѣхи, т. е. за формальный, внѣшній характеръ са-

и въ такой средѣ горитъ наиболѣе живая духовная жизнь и проявляется наибольшая жажда истины, то не обязана ли церковь обратить преимущественно въ эту сторону свои духовно-воспитательныя средства, чтобы посильно содѣйствовать съ своей стороны осуществленію въ жизни изреченія: „ищите и „обрящете“. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что всякое благое сѣмя, брошенное на подобную, хотя и колеблющуюся, но живую, духовную почву, принесетъ плодъ сторицею. Каждое подобное лице, которому удастся мудрымъ и вдохновеннымъ поученіемъ и увѣщеваніемъ, разъясненіемъ превосходства православнаго догмата и указаніемъ, что все то, что смущало его въ обыденной жизни церкви, есть только послѣдствіе человѣческаго несовершенства, суевѣрія, холоднаго формализма, примѣшивающагося

маго присоединенія, большею частію недостаточно подготовленнаго, и недостаточной заботливости какъ о послѣдующемъ просвѣщеніи, такъ и объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ новообращенныхъ. Это печальное событіе не только не ослабляетъ, но усиливаетъ доводы въ пользу вѣротерпимости. Очевидно насильственно понудительныя и карательныя мѣры могутъ быть употреблены въ настоящемъ случаѣ только для отвращенія насилія съ ихъ стороны, дома и школы должны быть защищаемы, угрожающіе и дѣйствующіе насиліемъ должны быть наказаны. Но за тѣмъ единственно цѣлесообразныя мѣры могутъ быть только духовнаго рода, государство должно позаботиться о лучшемъ устройствѣ школъ и о дѣйствительности ихъ посѣщенія, на основаніи начала обязательности обученія дѣтей, духовенство должно заботиться объ удовлетвореніи наставленія ихъ въ ученіи вѣры и т. д. Печальнымъ примѣромъ того, до какой степени господствующія у насъ понятія насилія и формализма могутъ извратить воззрѣнія даже лицъ живо преданныхъ интересамъ православной церкви и государства, можетъ служить сочиненіе «Матеріалы для изученія и обличенія мухаммеданства» выпускъ 3-й. Орелъ, 1876 (см. Церк. Вѣст. № 23). Авторъ этого сочиненія, въ числѣ средствъ противудѣйствія такому обратному движенію, обращаетъ особенное вниманіе на необходимость усиленія карательныхъ мѣръ понужденія, и посвящаетъ пространную казуистическую аргументацію разрѣшенію возбужденнаго имъ же самимъ вопроса, не слѣдуетъ ли подвести мухаммеданъ подъ ст. 197 и 203 улож. о наказ., трактующихъ о ересяхъ наиболѣе опасныхъ и постановляющихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку.

Слѣдуетъ желать, чтобы образовавшійся особый комитетъ (см. выше ук. № Церк. Вѣстн.) изъ министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-прокурора Св. Синода и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, при участіи представителя отъ м. иностр. д., для разсмотрѣнія внесенныхъ Оренбургскимъ ген.-губернаторомъ предположеній о мѣрахъ къ ослабленію мухаммеданскаго фанатизма въ Оренбургскомъ краѣ, обратилъ свое вниманіе прежде всего на выясненіе тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ отпаденіе, и тѣхъ условій жизни, въ которыя въ настоящее время поставлены обращенные въ православіе инородцы —При этомъ особеннаго вниманія заслуживаютъ вопросы о томъ: какимъ образомъ послѣдовало обращеніе въ христіанство тѣхъ или другихъ инородцевъ, что сдѣлано впослѣдствіи для ихъ духовной жизни, въ какомъ положеніи находится преподаваніе въ школахъ и какъ велико число этихъ школъ, какіе объемы приходовъ и какое разстояніе отдѣльныхъ поселеній отъ мѣста жительства приходскихъ священниковъ, на сколько священники знакомы съ инородческимъ языкомъ, на сколько русско-славянское богослуженіе доступно крещеннымъ инородцамъ и т. д. и т. д.

къ жизни *мѣстной* православной церкви [1]), каждое подобное лице сдѣлалось бы самымъ живымъ и могучимъ проводникомъ христіанской православной идеи въ той средѣ, изъ которой оно вышло. Правильность подобнаго предположенія доказывается примѣромъ нашей собственной жизни; наша церковь знаетъ, что лица, обращенныя изъ іудейства и изъ раскола въ православіе, становятся самыми живыми ея сынами, наиболѣе содѣйствующими ея дѣлу, т. е. лучшими ея работниками въ виноградникѣ Господнемъ.

Понятно, почему до сихъ поръ всѣ эти увѣщеванія оставались пустою безполезною формальностію. Когда за увѣщевателемъ стоитъ карающій законъ, будь это инквизиція или ссылка на поселеніе или въ каторжную работу, то очевидно увѣщеванія не могутъ имѣть никакого вліянія; но не слѣдовало-ли бы сохранять эту мѣру, лишивъ ее карательной подкладки? Весьма естественно, что христіанское государство должно желать сохраненія христіанскихъ началъ въ странѣ, а православное государство — православныхъ началъ. Поэтому, не отклоняясь отъ началъ вѣротерпимости, государство можетъ желать, чтобы лица, оставляющіе православіе, по крайней мѣрѣ знали, что они оставляютъ, изъ какой церкви они выходятъ, отъ какого ученія они отказываются. Не слѣдовало-ли бы потому, для предупрежденія легкомысленныхъ и необдуманныхъ переходовъ, постановить, что каждое лице, желающее оставить православіе, должно предварительно выслушать увѣщаніе, пройти нѣкотораго рода катехизацію съ православнымъ учителемъ, и что только послѣ исполненія такого требованія закона, если онъ все же остается при прежнемъ своемъ убѣжденіи, ему предоставляется полная свобода перейти въ другое вѣроисповѣданіе?

Подобная мѣра дѣйствительно не имѣла бы въ себѣ ничего противнаго началамъ полной вѣротерпимости, но несмотря на то, въ интересахъ самой православной церкви, мы рѣшаемся высказаться отрицательно относительно ея пользы.

Весьма желательно, чтобы наше духовенство дѣлало все отъ него зависящее для лучшаго ознакомленія съ православнымъ ученіемъ лицъ, стремящихся, по непониманію его, покинуть православную церковь; но подобныя увѣщеванія и поученія могутъ

---

[1]) Нужно обратить вниманіе на различіе, дѣлаемое во всемъ изложеніи автора, между *мѣстною* православною церковью и *вселенскою*, которая непогрѣшима и неотвѣтственна за историческіе и человѣческіе пороки своихъ мѣстныхъ органовъ (мѣстныхъ церквей). *Ред.*

быть полезны только при отсутствіи всякой стѣснительной обстановки. Обязательность, придаваемая имъ закономъ, обращаетъ ихъ въ пустую обрядность, въ одну формальность, и потому служитъ только къ лишенію ихъ всякой внутренней силы. Обязанное къ тому закономъ, увѣщевающее лице дѣйствуетъ большею частію не по убѣжденію и не ожидая никакого успѣха отъ своихъ словъ, и смотря на все это дѣло только какъ на непріятную обязанность, возложенную на него закономъ. При такихъ условіяхъ увѣщеваніе должно приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не можетъ не имѣть отталкивающаго вліянія на вразумляемаго. При нашей врожденной склонности къ формальностямъ, это можетъ дѣйствовать особенно вредно. До какихъ чудовищно-невозможныхъ результатовъ можетъ доходить у насъ бездушное, формальное отношеніе къ духовнымъ дѣламъ, доказываетъ положеніе Альменевой и Карамышевой деревень Чебоксарскаго уѣзда (см. Церк. Вѣстн. № 23). Въ пятидесятыхъ годахъ послѣдовало донесеніе, что населеніе этихъ деревень, принявшее православіе, совратилось опять въ мухаммеданство. Началось уголовное дѣло, хотя татары и не признавали, чтобы они когда либо обращались въ православіе, казанская уголовная палата въ 1868 г. постановила, на основаніи 185 ст. Улож., отослать татаръ для увѣщеванія къ кому слѣдуетъ, а до возвращенія ихъ въ христіанство воспретить имъ пользоваться правами своего состоянія и на все время имѣнія ихъ взять въ опеку. Во исполненіе этого приговора, татары были лишены правъ состоянія, имѣнія ихъ были взяты полиціею въ опеку, имъ воспрещены всякія отлучки изъ деревни на заработки; но духовное начальство въ теченіи семи лѣтъ не приступило къ увѣщеванію. Въ оправданіе приводится, что виновата полиція, отославшая татаръ къ духовному начальству, какъ того требуетъ законъ!

Итакъ всѣ формальности исполнены, а о сущности дѣла, увещеваніи никто не заботился въ теченіи семи лѣтъ... Мы приводимъ этотъ фактъ не въ видѣ обвиненія полиціи или духовенства; тѣмъ порядкомъ, какимъ идутъ у насъ подобнаго рода дѣла, это могло очень легко случиться, безъ особенной личной вины съ той или другой стороны, но мы привели этотъ фактъ какъ печальную характеристику тѣхъ условій, въ которыя поставлена у насъ жизнь. Отрѣшившись отъ обычно-формальной точки зрѣнія, развѣ возможно не видѣть въ подобномъ фактѣ самаго наглаго поруганія духа зла надъ истиною христіанства. Не дол-

женъ ли подобный случай дѣйствовать самымъ отрицательнымъ образомъ на окружающую среду. Въ виду возможности подобнаго факта можно ли предлагать облеченіе въ какую либо обязательную, узаконенную, форму дѣла увѣщеванія, которое всегда останется одною изъ главныхъ и существенныхъ задачъ нашего духовенства, но оно должно оставаться дѣломъ свободы, чтобы принести пользу. Пусть церковь шлетъ куда нужно лучшихъ и наиболѣе развитыхъ своихъ учителей, пусть государство вмѣстѣ съ церковію будетъ заботиться объ учрежденіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ происходитъ духовное броженіе, хорошихъ школъ для юношества, въ которыхъ они бы получали удовлетворительное религіозное обученіе; но на этомъ слѣдуетъ остановиться, особенно при нашей склонности къ подавляющему духъ формализму всякаго дѣла.

Религіозныя проявленія жизни, наравнѣ со всякими другими проявленіями общественно-государственной жизни, имѣютъ право на внѣшнюю, административно-полицейскую охрану противъ всякаго насилія и противъ всякихъ оскорбленій и поруганій словомъ и дѣломъ. Постановленія нашего законодательства по этой части весьма обильны и при томъ находятся по своему содержанію въ связи съ вопросомъ о вѣротерпимости, потому что административно полицейская охрана не ограничивается у насъ охраною внѣшняго порядка, но и вторгается во внутреннюю жизнь, стремясь подвергнуть ее несоотвѣтствующей своей цѣли регламентаціи.

Охрана внѣшняго порядка религіозной жизни установляется статьями Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, заключающимися во второмъ отдѣленіи Главы I-й перваго раздѣла онаго „о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія благочинія внѣ Православной Церкви во время Богослуженія“, въ отдѣленіи второмъ Главы II-й „о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія святости дней воскресныхъ и др.“, въ отдѣленіи третьемъ Главы II-й „о предупрежденіи и пресѣченіи суевѣрія“ и наконецъ въ Главѣ V-й „о предупрежденіи и пресѣченіи кощунства, богохульства, святотатства и ограбленія могилъ“. — Имъ соотвѣтствуютъ въ Уложеніи о наказаніяхъ Главы I-я, III-я и IV-я раздѣла втораго.

Затѣмъ къ административно-полицейскимъ распоряженіямъ, относящимся до внутренней духовной жизни людей, можно отнести:

Отдѣленіе 1-е Главы I-й Раздѣла 1-го Устава о пред. и пресѣч. прест. Такъ ст. 3 постановляетъ, что всѣ должны въ

церкви Божіей быть почтительными и входить въ храмъ Божій съ благоговѣніемъ безъ усилія. *Ст. 6* — что предъ иконами слѣдуетъ стоять такъ, какъ благопристойность и святость мѣста требуютъ. *Ст. 7* — что во время совершенія службы никакихъ разговоровъ не чинить, съ мѣста на мѣсто не переходить и вообще не отвращать вниманія православныхъ отъ службы ни словомъ, ни дѣяніемъ или движеніемъ, но пребывать *со страхомъ*, въ молчаніи, тишинѣ и во всякомъ почтеніи. *Ст. 8* — что во время совершенія божественной службы запрещается прикладываться къ чудотворнымъ мѣстамъ и иконамъ, но исполнять сіе предъ началомъ или по окончаніи службы. *Ст. 10* — что миръ и тишину *въ церкви* обязана строго сохранять *мѣстная полиція* (?).

За несоблюденіе всѣхъ этихъ предписаній Уложеніемъ о наказаніяхъ назначаются карательныя мѣры, изложенныя въ статьяхъ Главы III Разд. 2.

О всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, нетолько затрогивающихъ внѣшнее проявленіе извѣстнаго религіознаго чувства. но и предписывающихъ самое настроеніе чувства, можно только сказать, что они были бы умѣстнѣе въ церковныхъ правилахъ, чѣмъ въ гражданскомъ законѣ, получающемъ такимъ образомъ нѣсколько ветхозавѣтный теократическій характеръ, послѣдній даже отчасти выражается въ самомъ образѣ настроенія, требуемаго закономъ. Такъ напр. требованіе ст. 7: что во время совершенія службы слѣдуетъ *пребывать со страхомъ*, не вполнѣ согласуется съ требованіями новозавѣтными христіанскаго ученія, поясняющаго, что „въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви; будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“ (1 Посл. Іоанна гл. IV ст. 18, 19).

Если такимъ образомъ, за исключеніемъ послѣдняго обстоятельства, о всѣхъ вышеприведенныхъ статьяхъ можно только сказать, что онѣ не вполнѣ умѣстны въ гражданскомъ законѣ, то постановленій отдѣла 1-го Главы II-й Уст. о пред. и прес. прест. „о предупрежденіи и пресѣченіи уклоненія отъ исповѣди и св. причастія“ — нельзя не признать безусловно вредными и прямо противными духу христіанства, — какъ превращающими во внѣшній понудительный обрядъ то, что должно составлять высшее и священнѣйшее проявленіе духа вѣры, надежды и любви христіанской.

Такъ ст. 27 постановляетъ, что всякій православный долженъ

хотя однажды въ годъ исповѣдаться и пріобщаться Св. Таинъ *по обряду христіанскому,* въ постъ или въ иное время.

Ст. 20. Дѣтей обоего пола приводить на исповѣдь, начиная съ 7-ми-лѣтняго ихъ возраста ежегодно.

Ст. 21. Внушеніе объ исполненіи сего священнаго долга хотя болѣе принадлежитъ приходскимъ священникамъ, *но и гражданское и военное начальство наблюдаетъ,* чтобы лица, имъ подчиненныя, *непремѣнно* сей долгъ исполняли.

Ст. 26 и 27 установляютъ образъ доноса и контроля, а именно: приходскіе священники о всѣхъ прихожанахъ, бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, обязаны доставлять въ консисторію или духовное правленіе достовѣрныя именныя вѣдомости.

Ст. 27. Кто, не смотря на убѣжденія священника, два или три года окажется небывшимъ на исповѣди и у св. причастія, о томъ доносится епархіальному архіерею особенно. Преосвященный, чрезъ приходскаго же священника, или чрезъ другихъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, или наконецъ самъ, смотря по обстоятельствамъ и по мѣстной удобности, вразумляетъ его и мѣрами убѣжденія старается возвратить къ долгу христіанскому, съ возложеніемъ эпитиміи по своему усмотрѣнію, на основаніи церковныхъ правилъ. — Такимъ-же образомъ поступается и съ тѣми, о которыхъ по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ открывается небытность ихъ у исповѣди и св. причастія, но съ тою разницею, что въ семъ послѣднемъ случаѣ эпитимія должна быть публичная въ приходской церкви, или въ монастырѣ. Публичная эпитимія налагается безъ отлученія должностныхъ и поселянъ отъ домовъ. — Кто не вразумится увѣщаніями, не придетъ въ раскаяніе и не исполнитъ долга христіанскаго, *о томъ сообщается гражданскому начальству, на его усмотрѣніе.*

Подобныя же распоряженія повторяются въ отдѣленіи третьемъ Главы II-й „о уклоненіи отъ исполненія постановленій церкви“ Уложенія о наказаніяхъ.

Содержаніе всѣхъ этихъ постановленій не требуетъ никакихъ комментарій; тотъ фактъ, что они въ дѣйствительной жизни остаются большею частію мертвою буквою, не устраняетъ кореннаго нравственнаго вреда, происходящаго отъ допущенія подобнаго начала въ наше законодательство.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 7 Марта 1877 года.
Цензоръ Архимандритъ *Геласій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП. (ВАС. ОСТР., 8 л., д. № 45).

– 2 9 ИЮЯ 19